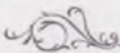

*Архивист Н. А. Аликина, рядом с ней старые большевики,
крайний справа Б. Н. Назаровский*

Ганька Мясников был избран заместителем председателя ЧК, заведующим отделом по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. На другой день после утверждения в должности Мясников вызвал Михаила Романова на допрос. Михаил пришел не один, а с секретарем Джонсоном. Это была единственная встреча. Мясников хотел лично увидеть человека, которого наметил в жертвы. Впечатление от знакомства вынес такое: «Михаил глупый, Джонсон рядом с Михаилом выглядит коротышкой (говорят, он лорд), но умный и проницательный». Характеристики смешные, а для Джонсона даже очень лестная: на самом деле «лорд» был выходцем из смешанной русско-английской семьи, мать его была англичанкой, служила экономкой.

Мясников довел до Михаила приказ, подписанный еще Федором Лукояновым: приходить в ЧК для отметки каждый день в 11 часов утра. После этого в дневнике Михаила и появится такая негодующая запись: «Люди добрые, скажите, что это такое?» (8 (21) мая.) До Мясникова ссыльный

отмечался в милиции раз в неделю. Спустя несколько дней Михаил запишет, как он в ЧК «слегка сцепился с одним „товарищем“, который был очень груб» с ним.

Нет сомнения, что этим «товарищем» был все тот же «кровожадный» Ганька, которого исследователь его авантюрной биографии почему-то назвала «Дон Кихотом пролетарской революции». Об этом «охотнике за царской головой» и его жертве мы беседовали с Н. А. Аликиной.

– Надежда Алексеевна, почему же «Дон Кихот»? Думаю, многих читателей поразит это столкновение бессмертного образа благородного идадьго и царубийцы Ганьки Мясникова?

– Да, это о том самом Мясникове, легендарном Ганьке. Понимаете, если в советские времена он считался врагом ленинизма, то на современном этапе главное обвинение в его адрес – убийство великого князя Михаила Романова. Уже одно это обстоятельство должно заинтересовать исследователей...

– Заинтересовало. Краевед Л. В. Перескоков называет Мясникова «зеркалом революционного терроризма». Другой пример: в сборнике очерков «Пермь от основания до наших дней» (2001) герой вашей книги отнесен «к мелким людишкам, вынесенным мутной революционной волной»...

– Неверно! Мелким-то он в любом случае не был, и я пишу об этом, основываясь на документах.

Ведь только вдуматься: один из лидеров «рабочей оппозиции» Мясников разошелся с вождем, непререкаемым авторитетом, по ряду основополагающих вопросов, в частности о свободе слова! (Надо прочитать эти материалы хоть раз, чтобы понять, насколько Ганька смело и хорошо пишет.) Отвечает вождю партии без стеснения и как остроумно! Не хуже самого Ленина. В принципе, Мясников ведь прав был. Его что возмущало? Что ему, Ганьке, внутри партийной организации не разрешено говорить в открытую! Его же за это и преследовали.

Что касается сравнения с Дон Кихотом... Представьте себе Дон Кихота в нашей революции. Вы думаете, он не бросился бы на своем Росинанте с копьем на Михаила Романова, если бы уверовал, что это царь, который будет угнетать бедняков? Я на сто процентов уверена – бросился бы! И гордился бы победой, если бы ее одержал.

БЕЗ ПРЯМОГО РАЗГОВОРА ТУТ НЕ ОБОЙТИСЬ

– Мясников и гордился этой «победой», как известно, целую книгу написал о том, как он убил Михаила II. Только есть «маленькая» разница: в отличие от Мясникова, Дон Кихот бросался в атаку на зло с открытым забралом... Скажите, как у вас вообще появилась мысль написать книгу об этом человеке?

– Сначала у меня была диссертация на тему «Партия большевиков в годы столыпинской реакции». На материалах Пермской губернии. Много материала собрала. Но оказалось, что на ту же тему защищается еще одна соискательница, только не по партийной линии, а по истории СССР. И я отступилась от мысли о защите диссертации, но главу для книги по истории областной парторганизации написала.

Я поменяла тему диссертации, теперь она называлась у меня «Борьба партии с „рабочей оппозицией“». На материалах Пермской губернии, 1920–1922 гг.». Главным лицом был уже Г. И. Мясников. Диссертацией заняться не удавалось (много сборников документов издавали), но я по крупицам продолжала собирать материал. С годами Мясников постепенно «светлел» в моем восприятии и из стопроцентно отрицательного героя становился положительным. Неожиданно для меня самой поменялся минус на плюс.

– Это поражает, конечно, многих.

– Нет, но я с самого начала все-таки симпатизировала Мясникову. Даже Ольховская, заведовавшая Истпартом еще в 1920-е гг., меня предостерегала: «Вам нельзя о нем писать, вы о нем слишком хорошо говорите».

А потом вышла упомянутая вами «Философия убийства» Гавриила Мясникова. Эта работа помогла мне только уточнить некоторые детали и обстоятельства, глубже понять психологию моего героя. Ведь в распоряжении его, когда он писал книгу, была только его память, а у меня – документы.

Я сама себе удивляюсь: сколько усилий, времени я потратила на сбор материала, сколько карточек, выписок...

– И все же главное обвинение против Ганьки Мясникова – убийство Михаила Романова – как клеймо на лбу, тут трудно «отмыться». На Западе, в Европе, отношение к этой фигуре неизменное – как к палачу. Как с этим быть?

— Самое главное — убийства этого требовала революция. Мясников смотрел на себя как па исполнителя воли партии. Он даже писал, что должен «спасать Ленина и Свердлова».

Я ведь его и называю убийцей. Сначала, между прочим, у меня этому событию был посвящен в книге всего один абзац. Но затем, когда об убийстве Михаила начали говорить повсюду и говорить не то, что надо, — тут я поняла, что без прямого разговора не обойтись. Так появилась целая глава.

— Но сам-то Мясников не каялся в убийстве Романова, напротив, гордился им! И когда надумал вернуться из вынужденной эмиграции на родину, то надеялся, что убийство Романова, «историческая заслуга», послужит ему своего рода пропуском, не так разве?

— Да, так! Это же советская идеология. Так думали все большевики всех рангов, от местных до самых высоких. Но прощать его, когда он задумал возвращаться, не собирались. Он был расстрелян в сталинских застенках в ноябре 1945 г., т. е. почти сразу после своего добровольного возвращения.

Я считаю, своими страданиями он искупил всю свою вину. Можно, наверное, и так сказать: сама жизнь его жестоко наказала.

Он был изгоем.

И потом — не придавали фигуре Михаила Романова того значения, которое стали придавать сегодня. Никогда бы этот человек не стал императором. По своему складу это была совсем не подходящая для трона личность. И у него самого хватило ума, чтобы понять это. Есть ведь умные глупцы, которые понимают, что они глупы. Михаил был из таких, кто понимал. Николая II готовили на царствование, Михаил же, привыкший к беззаботной жизни, не имел такого желания. Кроме родословной, у него ничего нет за душой. Милый человек, его любила жена, он ее любил. Как и брат его, Николай: хороший семьянин, но слабый царь. Когда говорят, что Россия при нем сильно поднялась, это же не Николая заслуга. Царь вел себя просто лояльно, и все.

Мясников, конечно, никакое не «зеркало терроризма». Главными террористами, уж если на то пошло, надо называть Ленина и все партийное руководство. Больших террористов у нас не было. А Мясников — фанатик пролетарской революции, он верил в нее. Он не убийца, не террорист в душе своей. И когда читаешь про него, что он где-то утопил сорок

человек, – этого не может быть, это вымысел! Его любили рабочие, он пользовался огромным авторитетом, поэтому его повсюду избирали на руководящие должности.

В ЧК он пробыл всего три недели. В мае 1918-го он добился того, чтобы его делегировали туда, в Чрезвычайную комиссию по борьбе с саботажем и контрреволюцией. А уже в июне, после расстрела епископа Андроника (к этому Мясников непричастен), ушел в армию...

Признаться, мне даже несколько удивительно то, что взгляды Мясникова обсуждают, с ним спорят наши историки, профессора, а он же практически образования не имел, три класса всего, до всего своим умом дошел!

Если поглубже, внимательнее посмотреть, то выходит: верхи толкнули низы на самосуд. Если бы в Москве хотели, чтобы Михаил Романов остался жив, ему бы не позволили с самого начала ссылки свободно гулять по Перми. Они бы его просто в тюрьму посадили.

Даже наши, пермские, власти хотели его уберечь. «Для вашего же блага...» – так было сказано ему. В тюрьме комнату устроили специально для него, потому что понимали: к царю, к людям такого положения рабочие в Перми относятся плохо. А он, глупый, возмутился, телеграммы, заявления слал в Москву.

Анализируя обстоятельства убийства, характер и существо самого Мясникова, я пришла к такому выводу.

Да, им двигало и честолюбие, стремление к вождизму, желание сделать все «как лучше». Лучше – для верхушки партии. Он в тот момент даже меньше думал о себе при всем своем честолюбии. Он по развитию был выше, чем его сподручные, мотовилихинские рабочие-боевики, у которых были, в общем-то, примитивные умишки, что там говорить. Ганька думал перспективно. И потом, он понимал, что нельзя ему, члену ВЦИК, непосредственно участвовать в убийстве. Приказ отдать – да, но чтобы самому убивать... А его помощники подумали: «Хитрый какой, с нами не пошел, а хочет славы! Это мы всё сделали».

Говоря, что «Ганька тут ни при чем», они своего вожака спасают. А он – при всем, руки у Мясникова, конечно, тоже в крови – как у организатора всей затеи. Я считаю, что вылавливать одних киллеров – пустое дело. Нужно ловить заказчиков, идейных вдохновителей.

– В нашем случае заказчики – Ленин, Свердлов, Мясников?

– В конечном счете – да.

– Надежда Алексеевна, у вас есть свое мнение по поискам останков великого князя и его секретаря. Где же произошло убийство? И почему возник такой разнобой в показаниях расстрельщиков?

Из воспоминаний Н. А. Аликиной: «...я же хорошо запомнила слова Маркова о том, что в Мотовилихе они поехали в район речушки Архиерейки (излюбленное место, где в летнее время скрывались от полиции, проводили партийные собрания, маевки, встречи), где и осуществили задуманное».

– Ну, как хотите, а я очень хорошо запомнила, как было с Марковым. Как он рассказал – впервые – о казни в Мотовилихе, у речки Архиерейки... Я думаю, на каком-то этапе они, убийцы, вводили в заблуждение общественность. В воспоминаниях, написанных в 1924 г. по заданию Истпарта, непосредственные участники убийства договорились писать так, как зафиксировано в документах. Но когда я с Марковым встретилась в Москве, он ведь и не вспомнил о том, что там написано. Знаете, как бывает: правда выплывает вдруг, непроизвольно. «При чем тут Ганька?!» – воскликнул он после того, как я сказала что-то про Мясникова. И он словно в раж вошел, он «завелся».

«При чем тут Ганька? Всё сделали мы. А он и не пошел с нами, и не поехал». И он начал рассказывать. Все, что он рассказал, в основных чертах и деталях совпадает с написанным ранее. Но место убийства другое. Я его подтолкнула, разворошила, и в сознании его, в памяти все «раскручивалось» так, как было на самом деле, а не так, как договорились они когда-то, чтобы скрыть подлинное место убийства...

– Ну да, нельзя же было допустить, чтобы в Перми появилось место поклонения и встреч монархически настроенных «отсталых элементов»... Это они понимали.

– Я слушала Маркова тогда не вполуха, а в десять ушей! Что вы, я понимала, как это все важно.

Вот как дело было...

С концепцией Н. А. Аликиной можно спорить, соглашаться и не соглашаться, но книга ее ценна тем, что мы находим в ней эксклюзивные откровения палачей (Мясников, Марков); здесь опубликованы важные первоисточники, документы, некоторые из них впервые. Однако есть в книге явные натяжки, небрежности. По всему тексту чувствуется, что

автор почти совсем не интересуется фигурой главной мишени своего героя — Михаила Романова. Например, исторический факт отречения Михаила от престола *до созыва Учредительного собрания* в книге выдается лишь за версию, хотя точный текст этого документа давно опубликован, напомним: «...принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы государства Российского».

Вновь повторяет уважаемая исследовательница байку, пущенную писателем М. Касвиновым в романе «Двадцать три ступени вниз», о том, что Михаил «разъезжал по Перми на личном „роллс-ройсе“». Между прочим, ссыльный Романов был лишен этой возможности (тому есть масса доказательств и в воспоминаниях, и в допросных материалах), а вот чекист Мясников на фотографии того же периода горделиво восседает в автомобиле рядом с шофером. Для него настал миг торжества — «достиг он высшей власти»!

Странно читать и пассаж про Наталью Сергеевну, «получившую титул графини Брасовой после покупки Михаилом графства Брасово во Франции». Это «графство» на самом деле — имение в Орловской губернии, наследованное Михаилом после смерти его брата Георгия.

Удивительное совпадение, «скрещение судеб»: в той самой Орловской губернии в военные годы, вплоть до октября 1917-го, отбывал наказание каторжник-революционер Ганька. Он сам об этом пишет в предисловии к своей брошюре «Деяния апостолов, или Сиятельная ложь», изданной Мотовилихинским союзом рабочих-металлистов. Так и пишет: мол, создал свой «трактат», когда сидел то в одиночке, то в сумасшедшем доме. За что? За побеги и за то, что подал прошение: «Исключите меня из православных христиан...»

НА ГРАНИ ЦИННИЗМА

...Недавно в продаже появилась книга на весьма острую, актуальную тему — «Гражданская история безумной войны». Для Перми издание актуально еще и потому, что вот уже несколько лет здесь идут нескончае-

мые разговоры, дискуссии вокруг проекта музея Гражданской войны. Авторы книги – известные литераторы Михаил Веллер и Андрей Буровский¹. В предисловии говорится, что книга для чтения впервые излагает историю Гражданской войны «как страшную и удивительную сказку, случившуюся в реальности». Не знаем, как насчет приоритетов, но сказочек и бездоказательных выдумок в книге действительно хоть отбавляй! Это касается и некоторых событий, происходивших в нашем крае. Так, в главе, посвященной истреблению семьи Романовых, мы узнаем о новой версии убийства великого князя Михаила Александровича. Оказывается, его

Г. И. Мясников (первый слева в первом ряду), В. И. Решетников (второй в первом ряду), А. Л. Борчанинов (стоит)

«вывезли чекисты, специально приехавшие в Пермь из Москвы. выкрали у местной охраны и тайно убили в лесу» (?!).

Казнили Романова и его секретаря Джонсона действительно в лесу под Пермью, но убийцами были местные чекисты, бывшие мотовилихинские боевики. Михаила Веллера, популярного сегодня литератора, видимо, сбил с толку такой факт: руководителем группы захвата выступил один из главарей местной ЧК Гавриил Мясников, а он был членом ВЦИК, т. е. Всероссийского центрального исполкома, которым руководил Яков Свердлов.

В общем, бойкие авторы слышали звон, да не знают, где он. И подобных примеров верхоглядства в книге немало. Как сказано в анонсе, «ирония и честность на грани цинизма (?) делают книгу незаменимым чтением для каждого, кто слышал слово „Россия“». Насчет цинизма – это уж точно, а во всем остальном...

¹ М., 2007.

КОНЕЦ НАРКОМА (А. Г. БЕЛОБОРДОВ)

В деле об убийстве М. А. Романова, которое завел следователь Николай Соколов, есть телеграмма, присланная Уралсоветом из Екатеринбурга. Подписавший ее Александр Белобородов, председатель совета, выражал тревожную заинтересованность исчезновением гражданина Романова и требовал от Пермской ЧК: *«Немедленно телеграфно сообщить, когда был привезен [в] Пермь Михаил. Кому сдан, каковы были указания [о] режиме [содержания], от кого они исходили, какие меры принял губсовет [по] усилению режима. Кем было отменено содержание [его] в тюрьме. Что дало следствие. Кто арестован. Их фамилии, также показания. Облсовет Белобородов»*¹.

Телеграмма была обнаружена членом Екатеринбургского суда И. А. Сергеевым в сентябре 1918 г. В двух других телеграммах содержались распоряжения об усилении режима в отношении алапаевских узников, родственников царя «в связи с исчезновением Михаила Романова из Перми».

За несколько дней до расстрела царской семьи в Пермь летит за подписью Белобородова еще одна загадочная телеграмма: «Военком, Лукоянову, уполномоченному облсовета Матвееву, Королевские [номера], Сыромолотову. Если можно заменить безусловно надежными людьми команду охраны поезда, всю смените. Пошлите обратно в Екатеринбург». Речь шла об охранниках «золотого поезда», эшелона с драгоценностями и золотым запасом, который застрял в Перми. Упомянутый в телеграмме В. П. Матвеев – комендант или комиссар «поезда особого назначения», как еще называли поезд с золотом. Соблюдая строжайшую секретность, руководители Уралсовета планировали, заменив охрану поезда, перебросить ее в Дом особого назначения – Ипатьевский особняк...

В своей книге «Золотой поезд» – советском бестселлере – Владимир Матвеев с упоением описывает обстановку в Перми в 1918 г. (до «пермской катастрофы», захвата города белыми частями): «...глубоким снегом

¹ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1990. С. 322 – 323.

занесена маленькая Пермь. Она уже не тиха и не безлюдна. Все екатеринбургские учреждения разместились здесь. Тридцатитысячный гарнизон. Штаб армии. Круто хозяйничает в городе Голованов. Не хватает места для лазаретов, шесть церквей закрыты, и в них помещены школы. Не хватает квартир военным работникам – пермские купцы и чиновники проживают в публичных домах на окраине, „Сахалине“...

Весь этот словесный шлейф, как выяснилось, имел только одну цель: уничтожение царской семьи и их приближенных. Под кодовым словом «исчезновение» подразумевалась смерть. Возглавлял уральскую пирамиду палачей, приводивших негласные приговоры в исполнение, волею судеб простой уральский рабочий Александр Белобородов.

В дождливый июльский день Марина Цветаева шла с дочкой по московской улице и вдруг услышала крик мальчишки – разносчика газет:

– Расстрел Николая Романова! Романов расстрелян рабочим Белобородовым!...»

Упоминание об этом случае сохранилось в дневнике поэтессы. Потрясенная известием, Цветаева сказала дочери, чтобы она помолилась за упокой души русского царя.

Большевики не случайно сыграли в заголовках своих газет на противопоставлении царя и рабочего. Александр Белобородов был председателем Уралсовета, когда в Екатеринбурге совершилось преступление века, как вскоре стали называть казнь всей царской семьи.

В кругах белой эмиграции ходили упорные слухи, якобы он еврей Вайсбарт. На самом деле по происхождению этот человек – русский, уроженец Александровского завода, рабочий Лысьвенского завода Пермской губернии.

В книге об этом человеке говорится вполне в духе советской житийной литературы: *«Большой организаторский талант сочетался у него с качествами трибуна. Александр Григорьевич хорошо говорил, свободно, с завидным самообладанием и находчивостью отбивал атаки политических противников. Рассказывают, что молодые члены партии называли его „тяжелой артиллерией“»*¹.

¹ Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь, 1966. С. 51.

Совсем иное представление сложилось о Белобородове у колчаковского следователя Николая Соколова, которому было поручено расследовать убийство царской семьи.

«Из него хотят сделать крупную революционную фигуру. Это неправда, — писал Соколов. — Распропагандированный рабочий, невежественный, он был порождением уральской глуши. Его, быть может, никогда бы не увидели за ее пределами, если бы не убийство царской семьи. Только после этого он оказался членом ЦИКа и видным столичным чекистом. Он никогда не был самостоятелен и в роли председателя областного совета...»¹

Опытный следователь сравнивает Белобородова с другими видными большевиками и приходит к выводу, что глава Уралсовета проигрывает и Голощекину, и Юровскому, а от «мягкого большевика» Авдеева отличается разве что красивым почерком.

Подпись Белобородова стоит на билетах вещевой лотереи, популярной в те годы. После Гражданской войны А. Г. Белобородов, как нарком внутренних дел республики (наркомвнудел, выражаясь стилем 1920-х гг.), возглавлял Деткомиссию ВЦИК. Его же подпись красуется и на первых уральских деньгах. Дело в том, что в 1918 г. центр не мог снабжать регионы денежными знаками, и Наркомфин республики разрешил Уральскому совету выпускать советские боны, имеющие хождение в пределах четырех губерний. Печатали «уралки», эти советские кредитки, в Перми. В народе кредитные билеты чрезвычайного выпуска еще называли «растрельными», потому что на них стояла подпись того самого А. Белоборова...

Кем же был на самом деле «главный царевубийца»? Надо разобраться, случайно ли вынесло человека ветром истории на вершины власти.

ВПОЛНЕ ПО-РАЗБОЙНИЧЬИ

Учиться Александру Белобородову действительно долго не пришлось, он окончил, как тогда шутили, ЦПШ и коридор (церковно-приходскую школу). Однако сохранился отзыв заведующего школой о том, что Саша

¹ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М., 1990.

«выдавался из числа остальных товарищей по своему умственному кругозору». Работал на уральских заводах конторщиком, электромонтером. В 1907 г. вступил в РСДРП, примкнул к большевикам и с той поры стал профессиональным революционером. В очерке о молодом Белобородове создан портрет подпольщика: «Крутособый крепыш со спокойным, серьезным, не по-мальчишески твердым взглядом, он заслужил доверие товарищей своей исполнительностью, смелостью, зрелым умом».

Белобородов прошел «тюремные университеты». Кстати, во время одной из отсилок он и познакомился с Яковом Свердловым, будущим председателем ВЦИК, ставшим идейным организатором и вдохновителем казни Романовых, массового «раскалывания» на Дону и других кровавых деяний.

Не раз проявлял Белобородов свои организаторские способности, выполняя самые ответственные и, мягко сказать, щепетильные, с душком поручения партии и лично тов. Ленина. Чего стоят хитроумные провокации с мнимым побегом царской семьи (использовали «подметные письма»), с убийством алапаевских узников (заговорщики похитили князей, использовав якобы самолет). А вот одна из его «домашних заготовок», касающихся великого князя Михаила Александровича: «Михаила Романова нужно срочно „эвакуировать“ в мотовилихинскую тюрьму». Так на языке опытных боевиков обозначался островок напротив пушечного завода, где расстреливали всякую «контру».

Именно Белобородов стал своего рода генерал-поручиком пролетарского вождя. Ленин посылал его в самое пекло. Когда вспыхнуло Вешенское восстание (вспомним «Тихий Дон» Шолохова), Ленин послал на подавление восстания члена ЦК Белобородова.

Члены президиума Уралсовета: Толмачев, Белобородов, Сафаров, Голощекин

Нужно отдать должное Белобородову: в первые годы советской власти он еще не «забронзовел», не превратился в партийного сановника, как его товарищи. Большевистские организаторы были способны в ту пору еще и на самокритику. Вот как, в частности, объяснился с мировым сообществом Уралсовет по поводу убийства семьи Романовых: *«...воля революции была исполнена, хотя при этом и были нарушены многие (!) формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни „коронованных особ“ (!). Рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм (!), она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником»¹ (!).*

В данном случае потрясает даже не столько откровенный цинизм уральских вершителей истории Белобородова, Сафарова, Голощекина, Дидковского и иже с ними, сколько их почти школярское стремление оправдаться. О благородстве, верности принципам, данным ранее обещаниям, революционной честности, моральной чистоте помыслов здесь говорить не приходится, Белобородов с соратниками четко сознают это.

«Наравне с разбойниками» — и вполне по-разбойничьи, почему-то тайно, воровски, ночью и умалчивая об убийстве детей бывшего царя, а также о том, что пришлось «убрать» многочисленных свидетелей, в том числе и рабочих, и крестьян.

Между прочим, нарком Белобородов с 1923 г. возглавил еще Комиссию по улучшению жизни детей...

«ВЗЯТЬ В ЖЕЛЕЗО!»

Карьеру бывший уральский рабочий сделал воистину головокружительную. Еще до того, как стать министром внутренних дел, Белобородов чуть не возглавил Всероссийский центральный исполнительный комитет

¹ *Калмь Николай Кровавого // Уральский рабочий. 1918. 23 июля. Цит. по: Убийство царской семьи. Свердловск, 1991.*

(ВЦИК). Во всяком случае, его кандидатура всерьез рассматривалась на Пленуме ЦК РКП(б) 25 марта 1919 г. Тогда «всероссийским старостой» был избран М. Калинин, как более компромиссный товарищ¹.

В начале 1920-х гг. Александр Белобородов устанавливает советскую власть на Северном Кавказе, занимает ключевые посты в Кавказском бюро ЦК РКП(б), Кубанского революционного комитета. Он был членом РВС 9-й армии Юго-Восточного и Кавказского фронтов, заместителем председателя РВС Кавказской трудовой армии. Отличился он тем, что призывал к поголовному физическому истреблению контрреволюционеров. За такую железную последовательность, видимо, и получил орден Красного Знамени (1920 г.).

В одном из писем соратнику по партии Н. Крестинскому он обрушивается на мягкость приговоров, выносимых донскими революционными трибуналами: *«Необходимо организовать чрезвычайки и как можно скорее покончить с трибунальным словоизвержением... Основное правило при расправе с контрреволюционерами: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу... я на этом настаиваю самым решительным образом»*².

И эту линию «рабочий выдвиженец» Белобородов будет гнуть, фактически не меняясь, на всех постах и в военное, и в относительно мирное время.

В 1920-х гг., непосредственно руководя акцией по изъятию церковных ценностей, наркомвнудел А. Г. Белобородов последовательно, неукосни-

Владимир Матвеев –
комиссар «золотого поезда»

¹ Протокол заседания Пленума ЦК РКП(б) 25.03.1919 // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 133.

² Цит. по: Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992.

тельно и изобретательно проводил линию, определенную Лениным: «...чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (из письма с грифом «секретно» от 19 марта 1922 г.). Вождь требовал при неподчинении «свирепой и беспощадной расправы» (из письма Г. Я. Сокольникову, ставшему первым министром финансов СССР).

До нас дошли некоторые свидетельства тех жестоких и коварных месяцев, несмотря на то что все строжайше секретилось: коммунистические вожди предпочитали давать только устные директивы. Сам Ленин не забывал написать на своих распоряжениях: «Без копий. Вернуть мне».

А. Белобородов – секретарю ЦК РКП И. Крестинскому: «...линия В. И. (Ленина. – В. Г.) вполне верна, хотя некоторые товарищи... смотрят на дело, кажется, иначе... В общем, надо сказать, что, кого нужно, в железо здесь еще не взяли...»

Он же – в служебной записке в ЦК РКП из Белоруссии: «...ничего не изымается... Комиссии (по изъятию церковных ценностей. – В. Г.) бездействуют, вступают в бесчисленные споры с отдельными личностями, угрозы (католических и православных священников. – В. Г.). Зачем с ними спорить? Словно нужно их разрешение. И словно они могут его дать (!). И главное, никаких мер по саботажу. Не проводится никаких репрессий, ни одного случая сурового наказания саботажников, ни одного процесса. Надо начинать решительно работать...»¹

Подписан документ с грифом «секретно» 17 мая 1922 г. Уже через пять дней сигналу тов. Белобородова был дан дальнейший ход: в правом верхнем углу машинописной служебной записки наркомвнудела появилась резолюция «всероссийского старосты», председателя ВЦИК М. И. Калинина: «Принять соответствующее постановление».

Вскоре репрессии последовали: «взяли в железо» кого нужно, а также кого и не нужно – «про запас», чтобы другие боялись. Изъятие ценностей стало самым эффективным средством разрушения собственно церковной

¹ Личный архив семьи Матвеевых.

организации, в ходе кровавых репрессий было расстреляно около 25 тысяч человек, в основном церковнослужителей.

БЕЛОБОРОДОВ В РОЛИ ГОЛОВАНОВА

Подлинник служебной записки А. Г. Белобородова, процитированной мною выше, долгое время хранился в семье репрессированного писателя В. Матвеева. С Владимиром Павловичем Матвеевым Белобородов был знаком с давних пор, именно он назначил земляка комиссаром знаменитого «золотого поезда». В повести Матвеева «Комиссар золотого поезда» (другое название – «Золотой поезд») Белобородов выведен в образе решительного командира-большевика Голованова. Небольшая по объему книга выдержала несколько изданий, в том числе в «Библиотеке приключений и путешествий». Основой увлекательного сюжета стали события Гражданской войны на Урале, и прежде всего история о том, как небольшой группе большевиков во главе с комиссаром Ребровым удалось увезти и спрятать от колчаковцев большой запас золота¹. Прообразом комиссара, спасшего «золото республики», был сам автор повести. Владимир Матвеев, выступивший в мирные времена в амплуа «красного пинкертона», был репрессирован в 1939-м, реабилитирован посмертно. Тень трагедии своим черным крылом коснулась и семьи писателя. Так или иначе, пострадали его сыновья, племянники, другие «члены семьи изменника Родины».

Сын писателя Лев Владимирович Матвеев, живший в Кирове, и сохранил частичку отцовского архива, в том числе докладную А. Г. Белобородова 1922 г. – страшной, разоблачительной силы документ, свидетельство кровавой эпохи. Документ, проливающий свет на происхождение еще одного золотого клада, так называемого золота партии большевиков. После кончины сына писателя следы документа теряются, мне он говорил, что хотел бы продать в музей или архив «важные бумаги» с подлинными подписями первых лиц коммунистических руководителей. Просто передавать, бесплатно, он не хотел: семья жила тогда трудно (мы общались

¹ Матвеев В. Золотой поезд. Пермь, 1964.

с наследником в конце 1980-х). Внучка писателя потеряла душевный покой из-за того, что ее донимали... искатели того самого золота, которое в далеком 1918-м увез из Екатеринбурга ее дед, «комиссар Ребров», и спрягал в Кизеловской шахте.

А требовали от нее злые люди всего ничего: выдать разгадку шифра, которым закодировано телеграфное сообщение комиссару (оно приведено в повести). То во дворе дома, где жила женщина, то в церкви, куда она ходила молиться спозаранку, к ней обращались с вопросиками: «Скажи секрет! Дай ключ шифровки!» Кто-то так тупо-злобно подшучивал, а кто-то ведь, пожалуй, на самом деле верил, что в семье наследников комиссара знали тайну золотого клада.

Но вот что совершенно реально и серьезно, так это то, что можно найти (где-нибудь в архивах «компетентных органов», НКВД – КГБ) киносценарий, написанный В. Матвеевым на основе «Золотого поезда». Написанный и невоплощенный.

– Найдите сценарий, ведь там описана сцена расстрела царской семьи! – убеждал меня Лев Владимирович (ныне уже покойный) в одну из наших долгих бесед в сонной вятской тиши. – И описано-то все глазами непосредственного организатора, из уст Белобородова. Они же с отцом тогда часто общались. В самой книге, «Золотой поезд», об убийстве Романовых сказано мельком, царскую сцену из повести выкинули и после уже не восстановили. Отец сохранил письмо из издательства, где одно из редакторских требований звучало так: «Сцену с царем убрать...»

Надо искать. Пока мои попытки обнаружить архив, изъятый при аресте у В. М. Матвеева, ни к чему не привели: ленинградские (тогда еще не петербургские) литераторы ответили, что на запрос Союза писателей по данному вопросу им пришел отказ...

ОН В ТЮРЬМЕ ИЛИ ГОСТИНИЦЕ?!

Через 15 лет после успешного изъятия ценностей у церкви А. Г. Белобородов будет расстрелян по приказу Сталина как троцкист.

Когда-то Яков Свердлов советовал ему почаще навещать в Пермь, «чтобы помогать товарищам». Подтекст был такой: чтобы укрепить боль-

шевиистское влияние на вечно отстающих, «гнилых» пермяков. В 1930-х гг. все поменялось с головокружительной быстротой. За самим наркомом уже следили повсюду. Подручные Сталина подозревали Белобородова в распространении троцкистских настроений, и подозревали не напрасно. Как показали его уральские товарищи, он привез оппозиционную литературу для проработки в низах, заверив при этом, что «ЦК ВКП(б) вынужден был эту платформу допустить». Сознательно примкнув к оппозиции, Александр Белобородов вел фракционную борьбу. За это и полатился. Сначала его сняли с поста наркома, а из партии то исключали, то вновь в нее принимали.

Его преследовали, за ним следили и в Свердловске, и в родной Перми. Именно в Пермь пришла телеграмма с распоряжением взять Белобородова. Почти по его собственной волчьей повадке: «Взять в железо!» Повальные аресты начались и среди пермских партийцев-оппозиционеров, разделявших платформу Троцкого.

Дочь бывшего наркома, А. А. Белобородова, вспоминала позже, как ее отец, уже снятый со всех постов, — должность уполномоченного по заготовкам воспринял как личное оскорбление, — предчувствуя арест, сжигал сундук с компроматом. Впрочем, это уже не могло его спасти. Кстати, женат Александр Григорьевич был на польке Яблонской Франциске Викторовне (расстреляна в 1938 г.)...

Арестовали его, уже совсем загнанного в угол, в 1936 г. 26 мая 1937 г. Николай Ежов, тогда еще возглавлявший НКВД, направил Сталину копию покаянного заявления Белобородова о бывших товарищах, разделявших взгляды троцкистов. Вождь остался очень недоволен этими показаниями. На сопроводительной записке Сталин написал: *«Ежову. Можно подумать, что тюрьма для Белобородова — трибуна для произнесения речей, заявлений, касающихся всякого рода лиц, но не его самого. Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит: в тюрьме или гостинице?»* (alexanderyakovlev.org.)

Белобородова расстреляли в 1938 г., а в 1962 г. он был реабилитирован. Что касается его «грязных дел», как выразился Сталин, то их содержание, а также толкование со времен хрущевской оттепели резко поменялось, порой с точностью до наоборот.

ФЕДОР ЛУКОЯНОВ: ЦАРЕУБИЙЦА... ИЛИ РАСКАЯВШИЙСЯ ПРЕСТУПНИК?

В конце нулевых в Пермском Парке памяти – Егошихинском некрополе были нередки акты вандализма. Памятник, стоявший почти у входа на кладбище с Тихой улицы, неизвестные лица залили красной краской. Портрет человека, похороненного здесь, почти исчез. Это революционер и журналист Федор Николаевич Лукоянов (1894–1947), человек яркой и кровавой судьбы. Порядок на кладбище вскоре был восстановлен, но вот от повторения подобных случаев здесь, «у Лукоянова», подстраховаться трудно, потому что молва нехорошая живет в народной памяти, мол, здесь похоронен царевубийца...

СОВЕСТЬ КАК ПОМЕХА В БОРЬБЕ

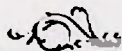
Недоучившийся студент-юрист, редактор большевистской газеты «Пролетарское знамя» (предшественницы «Звезды») и видный чекист. После

*Чекист и журналист
Федор Николаевич Лукоянов*

пришествия советской власти Лукоянов стал сначала председателем штаба Красной гвардии в Перми, затем возглавлял Пермскую губчека (до июля 1918 г.) и Уральскую ЧК, причем руководить Чрезвычайкой в Екатеринбурге он был направлен в июле, когда казнили семью Романовых и их приближенных...

Можно предположить, что у акта вандализма (порча памятника в любом случае остается порчей) есть некая идейная подоплека, особенно если вспомнить плачевную участь памятников царевубийцам в соседнем Екатеринбурге. Там надгробие одного из убийц уже перестали приводить в порядок (а похоронен он в двух шагах

от памятника Павлу Бажову); периодическим надругательствам подвергается и памятник Якову Свердлову.

В случае с Лукояновым, однако, все гораздо сложнее. Для многих исследователей остается загадкой, почему председатель УралЧК не оставил подписи под «историческими решениями» Уралсовета о казни семьи Романовых. Больше того, остается невыясненным, почему он уехал (дезертировал, по мнению некоторых однопартийцев), в решающий момент решил сопровождать вагон с архивом в Пермь.

Есть основания полагать, что между Федором Лукояновым и другими членами Уралсовета, прежде всего его председателем Филиппом Голощекиным, возникли серьезные расхождения по поводу участия членов семьи Николая Романова. Пермский чекист был против расстрела царских детей. Его товарищи, видимо, посчитали такое поведение проявлением мягкотелости. Как бы то ни было, документы того периода вместо Лукоянова подписывает комендант Дома особого назначения Яков Юровский, человек гораздо более жесткий, уже в юности сидевший за убийство. При этом подписывает, как заметил известный историк Иван Плотников, не в качестве и. о. или заместителя, нет, как председатель Чрезвычайки, т. е. принявший на себя все полномочия Лукоянова. Это при живом-то председателе!¹

Такой «перевертыш» так и остался загадкой для Плотникова, автора фундаментальной книги «Гибель царской семьи». Загадка для историка, но не для драматурга со склонностью к жанру фэнтези. Эдвард Радзинский на основе судеб Лукоянова и Юровского сочинил пьеску «Двое», в которой старательно пытается разглядеть человеческие черточки в двух чекистах. Странное поведение Федора Лукоянова писатель объясняет тем, что тот был совестливым человеком, хотел пощадить царских детей, даже был равнодушен к одной царских дочерей – младшенькой Анастасии.

Действие происходит в Кремлевской больнице, где встретились двое больных, один – псих, другой – страдающий язвой.

«– Ты сбежал, – говорит один.

Маратов (под этой фамилией выведен Лукоянов) отвечает на обвинение Юровского:

¹ Плотников И. Ф. *Правда истории. Гибель царской семьи*. Екатеринбург: М., 2003. С. 190.

– Ты первый раз прав. Я предпочел умыть руки. С тех пор я ощущаю себя мертвым и зачем-то живым. Галлюцинации мучают. И я все жду ее... увидеть ее... чтобы она повторила те прекрасные слова (о „любви, которая одна сможет победить зло“). Но она не приходит. Приходят только они... Старая парочка...»

Кто знает, что творилось на самом деле в душе пермского чекиста, молодого, в сущности, человека. Чужая душа – потемки... Но факт остается фактом: царской крови на Лукоянове нет, как ясно и то, что с Юровским они очень во многом не сходились. Тот в разговоре с Маратовым почти с вожделием перебирает в памяти свои придумки и уловки, без которых нельзя было сотворить черное дело: «Я тогда все и придумал. И когда они вошли в подвал, сказал Николаю: „После бегства вашего брата из Перми“... как у него глазки-то загорелись... не знал, что Их Императорское Высочество, братец его (речь о Михаиле Александровиче. – В. Г.), засыпанный ветками, с месяц как в яме пребывает... Слухи, говорю, в Москве нехорошие, что сбегала вся ваша семья. Посему я хочу всех сфотографировать. И отослать снимки в Москву, чтоб успокоить...»¹

ПОДКОВАННЫЙ ТОВАРИЩ

Маратов – это не партийная кличка, это журналистский псевдоним Лукоянова. В юности он хотел казаться суровым и непреклонным, его кумиром был не кто иной, как французский революционер Марат. Среди пермских большевиков Федор представлял немногочисленных интеллигентов. Отец у него был чиновником казенной палаты, умер рано, так что братьям Лукояновым (старший Михаил также станет видным революционером) приходилось прирабатывать уроками еще во время учебы в гимназии. Будучи студентом Московского университета, Федор продолжает жить напряженной жизнью, разрываясь между занятиями, частными уроками и... партийными заданиями. С социал-демократами студент сблизился во время работы в газете «Пермская жизнь». В 1913 г. вступил в партию, и с тех пор он с большевиками в одном строю.

¹ Радзинский Э. Загадки истории. Двое. М., 2011.

Но «интеллигентскую закваску» в нем все же товарищи по борьбе, в основном малограмотные рабочие или люди, прошедшие «тюремные университеты», всегда чувствовали. В практической борьбе, а тем более в «жареных» делах выходцам из интеллигенции не особенно доверяли. Такое отношение шло от лидера, Ульянов (Ленин) к «гнилой интеллигенции» относился очень разборчиво, а как-то вообще назвал ее «г...». В том же духе обрабатывал Ленин большевистскую фракцию, добиваясь единства: «Пусть слабохарактерные интеллигенты, слабосильные и путающиеся, идут куда хотят» (по воспоминаниям Ф. Голощекина). Но Федора Лукоянова, как образованного, идейно подкованного борца, уральцы двигали на руководящую работу.

ЧЕГО ХОТЕЛ МАРАТОВ?

Чтобы представить взгляды, уровень мышления, принципы этого человека, нужно поднять еще один источник – его первую газету «Пролетарское знамя», которой он не только руководил, но и сделал ее партийной трибуной. Просуществовала газета всего два месяца с октября 1917 г.

В ноябре 1917 г. он публикует две статьи «Чего они хотят», «О свободе печати», в которых страстно, убежденно, по-ленински обосновывает необходимость декрета о печати и разоблачает контрреволюционную сущность воззвания пермских меньшевиков и эсеров. Раз они выступили против декрета – значит, они «враги революции»!

Лукоянов пишет: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты меры для пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса»¹.

Оказывается, уже тогда классификация газет различалась по цветовым оттенкам. В своей красной газете, в статье «Вооружение народа», опубли-

¹ *Революционеры Прикамья: 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь, 1966.*

кованной в декабре того же года, Федор Лукоянов – Г. Маратов пишет о необходимости укрепления Красной гвардии. Романтик, он надеется на мирное развитие революции. Но оно станет возможно только тогда, когда будет обеспечено вооруженным народом. По представлениям большевиков, «только тогда свободный народ сможет создать свободное государство».

Публицист из недоучившегося юриста, надо сказать, получился отменный. Полемически заостренные статьи Лукоянова уральцы читали с разным настроением, но всегда с интересом. И все же печатный орган большевиков был не в силах «распропагандировать» пермское население, увлечь массу за собой. Хотя в редакционном прощальном заявлении, написанном самим редактором (с января 1918 г. преемником «Пролетарского знамени» стали «Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов»), говорилось: «Мы сделали свое дело. Поддержав кампанию партии при выборах в Учредительное собрание, мы в течение двух месяцев своей работой помогли сделать тот сдвиг настроения, который мы наблюдаем сейчас».

Однако выборы в «Учредилку» большевики, как известно, проиграли. Вот тогда в дело вступили бомбы и пулеметы. Судя по всему, редактор Маратов этого не хотел, но... неумолимая логика борьбы большевистскими методами повлекла его за собой.

ДЕРЖАЛСЯ В ТЕНИ

Симпатии к этому человеку возникают, когда читаешь статьи Маратова в «Пролетарском знамени», убеждаясь в искренности его побуждений. И когда знакомишься с историей его любви, читая переписку с юной пермячкой Клавдией, это увлекательная романтическая повесть!

В лихую годину его вынесло на первые роли в карающие органы революции. Теорию потребовалось подтверждать на практике. И здесь Лукоянов повел себя как-то странно. Замечали эти несоответствия не только свои, но и «по ту сторону».

Сергей Смирнов, секретарь сербской княгини Елены Петровны, жены Иоанна Константиновича Романова (убитого в Алапаевске), давая показания следователю Н. Соколову, подыскал для Лукоянова странное, на

первый взгляд, определение: он пишет, что «Лукоянов числился председателем Уральской чека». Числился! Княгиня рвалась воссоединиться со своим арестованным мужем, добивалась разрешения выехать к нему. И вдруг Лукоянов предупреждает ее, что туда ехать нельзя: «Алапаевск ненадежен».

Генерал-лейтенант Михаил Днтерихс, назначенный Колчаком руководить следствием по делу убийства царской семьи, замечает по поводу того, кто в Чрезвычайке был «главнее»: «Когда Янкель Юровский бывал на заседаниях комиссии (ЧК), то председательствовал он, а не Лукоянов, числившийся официально председателем ее». Юровский уже был тогда комендантом Ипатьевского дома особого назначения, где находились Романовы.

Другой свидетель описывает руководящую роль коменданта Юровского, а про Лукоянова еще скажет: «Совершенно в тени держался Лукоянов» (?!).

Когда разразилась «пермская катастрофа» (бесславная сдача красными Перми в декабре 1918 г.), Лукоянову удалось «эвакуироваться» в Вятку. После роспуска уральских областных организаций он был членом редколлегии «Известий Вятского Совета», а возвратившись в Пермь, стал простым инструктором губкома.

ТАЙНУ УНЕС В МОГИЛУ

Как бы то ни было, душевного равновесия Федор Лукоянов не обрел даже после Гражданской войны. И тайну того, что же с ним произошло на самом деле, никому не доверил, унес с собой в могилу.

Хотя внешне, для земляков-уральцев, он «держал марку», все вроде бы у него наладилось. В мирные годы Лукоянов сосредоточился на журналистской работе, некоторое время поработал редактором пермской «Звезды», затем — журналы «Юго-восток» (Ростов-на-Дону), «Красная печать», газета «Известия». В ЦК партии отвечал несколько лет за всю газетную политику.

В 1930-х гг. почти все бывшие соратники Лукоянова были репрессированы (не есть ли это возмездие?), а его не тронули, сохранили! Он работал в Наркомснабе и Наркомзаге (но снабжению и заготовкам), но

все это было уже не то... Свела Лукоянова в могилу нервная болезнь, полученная еще в 1918 г. на чекистской работе. В том году ему приходилось лично ликвидировать «кулацко-эсеровские» восстания, в том числе участвовал в самом кровавом столкновении в Сепыче. Как ни крути, при нем и с Романовыми расправились, и заложников ни в чем не повинных сколько загубили... Кровь! Стрельба и резня, напряжение бессонных ночей, реки пролитой крови, жестокость и страдания людские бесследно для психики не проходят.

Выполняя завещание мужа, урну с прахом повезла в родную Пермь его вдова Клавдия Лукоянова. Собралась она исполнить долг спустя три года с лишним после кончины своего спутника жизни, повезла... да не довезла, умерла сама по дороге, точнее, ее сняли с поезда уже в бессознательном состоянии. Как вспоминает краевед Е. А. Спешилова, их так и похоронили: К. А. Будрина-Лукоянова (происходила она из рода известных пермских священников Будриных, которых хоронили у стен близлежащего Всехсвятского храма) держала в руках урну с прахом горячо любимого мужа...

Несколько лет назад полузабытая могила Лукояновых была благоустроена, стараниями работников ФСБ и журналистов газеты «Звезда» были установлены новые памятники. Но «замирения на костях» не получилось. Даже во время открытия этого мемориала звучали нотки противоречий и слышалось отдаленное эхо Гражданской войны. Одни говорили о социальной справедливости и видной роли Федора Николаевича в развитии отечественной журналистики. Другие толковали о революционной непримиримости «уральского Марата» и даже пытались задним числом опровергнуть неопровержимое, например факт заболевания Лукоянова. Хотя партийный биограф в книге «Революционеры Прикамья», вышедшей в 1966 г., констатировал, что «тяжелое нервное заболевание, приобретенное им еще в 1918 г. во время работы в ЧК, все больше и больше давало себя знать».

В последние годы жизни ему являлись видения, слышались голоса. Нет ему покоя, похоже, и поныне, на том свете. Заслужил ли этот человек покой своими муками совести – вопрос спорный...

По выявленным данным следует одно: в планы уральского революционера уничтожение всей царской семьи под корень (с детьми) не входило.

«МОЛИТЬСЯ КРОТКО ЗА ВРАГОВ...»

В российских и зарубежных архивах есть еще немало неизученных, неопубликованных документов, в том числе тех, которые помогут раскрыть правду о подлинной роли Германии в сокрушении российской монархии, об обстоятельствах убийства великого князя Михаила Романова. До сих пор не обнародована часть эпистолярного наследия последней императрицы. Это документы, приобретенные с аукциона известным музыкантом М. Ростроповичем, в их числе и письма царицы в адрес Анастасии Гендриковой, убитой в сентябре 1918 г. в Перми.

С именем графини Гендриковой связан так называемый пермский след. Она была заточена в ту же тюрьму, где довелось сидеть и ссылкеному Михаилу Романову. Убита графиня была в том же 1918-м, только в сентябре.

...20 июля 1918 г. из Екатеринбурга в Пермь под сильным конвоем был отправлен вагон «с какими-то важными преступниками». По данным следственной комиссии Н. Соколова, в вагоне вывезли содержащихся в тюрьме графиню Гендрикову, гофлектрису Шнейдер, камердинера Волкова, княгиню Елену Петровну Сербскую и состоявших при ней членов сербской миссии.

Эту группу «важных лиц» пермские обыватели приняли за царицу со свитой; позднее слухи послужили основой для пресловутого «пермского следа» в поисках убитой семьи Николая Романова.

*Жертвы большевистского террора:
графиня А. Гендрикова и гофлектриса
Е. Шнейдер. Худ. Т. Котеева*

Тюрьма в Раздудье

В ссылку вместе с царской семьей обе женщины отправились добровольно, исключительно из чувства преданности царице и детям Романовых.

В дневнике А. В. Гендриковой за 1917 г. есть такая запись: «Слава богу, я успела приехать вовремя, чтобы быть с ними».

Для государыни она была Настенькой, очень близким человеком, как дочь или сестра. Фрейлина была одаренным человеком, она писала стихи. Известно, что и в трудные дни, будучи в Тобольске, Гендрикова написала сатиру в стихах на приезд «заговорщицы» Маргариты Хитрово.

Как теперь неопровержимо подтверждают документы, план большевиков был разработан поэтапный: сначала отделить членов царской семьи от слуг с последующим их уничтожением. Из Тобольска бывших фрейлин вместе с Романовыми перевезли в Екатеринбург, а уже оттуда «рассредоточили» по разным местам, причем доставка группы арестованных придворных лиц в Пермь служила одновременно отвлекающим и запутывающим маневром.

Некоторые основания для возникновения путаницы были, поскольку фрейлина считалась высокопоставленной особой. Как говорится, свита должна играть царицу, но и состав свиты не был случайным. Об этом говорит не только образованность фрейлины, но и умение поставить себя. Согласно данным следователя Н. А. Соколова, в ссылку в Тобольск вместе с графиней Гендриковой поехали ее воспитательница Викторина Владимировна Николаева и прислуга Паулина Межанц. Вместе с Е. А. Шнейдер – прислуга Екатерина Живая и Мария (фамилию последней следователю узнать не удалось).

Прибыли они в Пермь 23 июля. Женщин поместили в одну тюремную камеру в женском отделении. Администрация тюрьмы относилась к арестанткам довольно внимательно: они имели возможность получать молоко, читать газеты. Но белье выдавали только мужское, личных вещей с ними почти не осталось.

В тюрьме они находились больше месяца. Все это время их не покидала надежда на спасение, и княгине Елене Сербской действительно удалось вырваться из заключения (помогло вмешательство из зарубежья). А затем наступила кровавая развязка. Гендрикова и Шнейдер были зверски уничтожены большевиками вместе с группой других заложников на рассвете 4 сентября (по новому стилю) 1918 г. Чудом удалось бежать только А. Волкову.

После взятия Перми белыми тела женщин были эксгумированы, подвергнуты судебно-медицинскому обследованию. Установлено, что на теле Шнейдер, под левой лопаткой, было пулевое ранение, черепные кости треснули от удара прикладом. На теле Гендриковой пулевых ранений не обнаружено, смерть последовала от страшного удара прикладом в левую часть головы: сзади, она вся была снесена. После экспертизы тела обеих женщин переложили в гробы, а 16 мая 1919 г. они были погребены в общем деревянном склепе на новом Всехсвятском православном кладбище (Егошинском). Могилы А. В. Гендриковой и Е. А. Шнейдер, по свидетельству генерал-лейтенанта Дитерихса (в его книге кладбище ошибочно названо Новосмоленским. — В. Г.), по случайному совпадению оказались как раз напротив окна камеры Пермской губернской тюрьмы, в которой они провели последние дни своей земной жизни. (Более подробно о последних днях узников пермской тюрьмы в Разгуляе, в том числе о единственном побеге одного из арестованных А. Волкова, читайте ниже, в части VIII.)

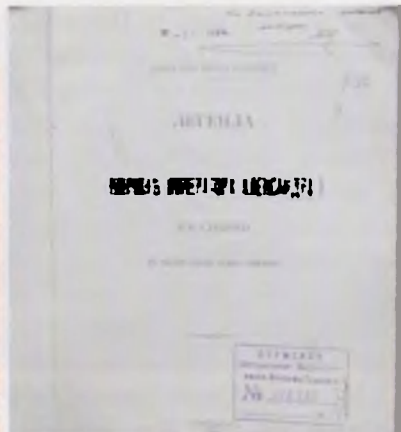
Недавно сотрудникам одного из центральных архивов, расположенного в Москве (РГАСПИ), удалось обнаружить документы, проливающие

*Первоначальный вид могил
А. Гендриковой и Е. Шнейдер в 1919 г.*

Лица свиты, следовавшие за царской семьей в Екатеринбург: граф Н. А. Татищев, Пьер Жильяр, князь В. А. Долгоруков, Е. А. Шнейдер, графиня А. В. Гендрикова

Это издание из фонда редкой книги Горьковской библиотеки, возможно, принадлежало Михаилу Романову. Автограф: «Не поминайте лихом автора. Н. М.» Автор – великий князь Николай Михайлович

свет на последние дни пермских затворниц. Речь идет об альбоме с фотографиями и записями капитана П. П. Булыгина, ближайшего помощника следователя Николая Соколова. Статьи Булыгина, посвященные убийству царской семьи, публиковались уже в 1920-х гг. в рижских и берлинских газетах, а в 1935 г. вышли отдельным изданием. В 2000 г. книга Булыгина «Убийство царской семьи» (в переводе его внучатой племянницы Т. Е. Максимовой) вышла в Москве, в издательстве Academia.

Из рапорта генерал-лейтенанта Михаила Литерихса адмиралу Колчаку всплывают другие детали того, как убивали заложников и пытались скрыть следы преступления палачи, называвшие себя «идейными борцами»¹.

Напомним: в одном из провокационных писем за подписью «офицер», написанных и переданных чекистами для семьи Романовых в Ипатьевский дом, говорится: «...Д. и Г. уже спасены». Между тем «Д.» (князь Долгорукий) был уже убит, а «Г.» (графиня Гендрикова) отправлена на погибель в Пермь...

¹ ГАРФ. Ф. 341, оп. 1, д. 52, л. 34–36. Цит. по: Красный террор на востоке России.

В 1981 г. А. В. Гендрикова и Е. А. Шнейдер были причислены к лику святых новомучеников российских собором архиереев Русской православной церкви за рубежом. Перед кончиной они молились, конечно, а еще Анастасия Васильевна повторяла строки стихотворения, которое так и называлось – «Молитва», его написал поэт Сергей Бехтеев, и оно всегда было с Анастасией Гендриковой. Эти строки переписывала собственноручно и она сама, и Ольга Романова, дочь бывшего императора. С этими словами они ушли в мир иной...

*Пошли нам, Господи, терпенья
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.*

В 2013 г. на месте могилы А. Гендриковой и Е. Шнейдер на Егошихинском кладбище был открыт новый мемориал. А в мае 2014 г. здесь состоялась панихида, в которой участвовали наши соотечественники архиепископ Желтецкий и Западноевропейский Михаил (Русская православная зарубежная церковь), Николь Элизабет Жеттер (Остелецкая)

Панихида у мемориала А. Гендриковой и Е. Шнейдер в мае 2014 г. прошла в сослужении двух владык

У «Короленских номеров». В центре – архиепископ Михаил (Донсков) и Е. Н. Жеттер (Остелецкая)

и Кира Владимировна Рюшти. Инициатором поездки из Швейцарии в Пермь была Николь Элизабет Жеттер, или по-русски – Елизавета Николаевна. Николь Элизабет является внучатой племянницей графини Анастасии Гендриковой (их бабушки – двоюродные сестры). Кира Владимировна Рюшти – правнучка расстрелянного в Бутове царского генерала Владимира Ивановича Николаева. Она живет в Дивоне (Франция).

Это был первый случай в истории Пермской епархии, когда панихида проходила в присутствии потомков репрессированных и в сослужении двух владык, Пермского и Женевского, митрополита Мефодия и архиепископа Михаила. Две половинки Русской церкви воссоединились на уральской земле...

ПОСЛЕДНЕЕ «ПРОСТИ»

В последнее время о великом князе Михаиле Александровиче пишут довольно много. И не проходит года, чтобы о нем не публиковали какие-нибудь домыслы, а то и просто лживые сообщения. В московских «Известиях», в публикации «Последнее „прости“, в подборке прощальных слов, сказанных перед смертью разными знаменитостями, приводится и фраза Михаила Александровича. Он якобы перед казнью снял сапоги и отдал своим палачам, сказав: «Пользуйтесь, ребята, все-таки царские!»

Происхождение байки – а в том, что это большевистская байка, у меня сомнений нет – довольно любопытно и показательно для нравов местных боевиков-экспроприаторов.

Во-первых, нет в этой фразе психологической правды. Сохранились воспоминания, свидетельства непосредственных участников похищения и убийства (В. Иванченко, А. Маркова, И. Колпащикова, П. Жужгова). Из них видно, что Михаил совсем не был готов распрощаться с жизнью. В пролетке он до последнего момента надеялся, что его действительно везут на станцию, и даже записал в свою книжечку фамилию охранника, который вызывал у него больше доверия, чем другие (это был Иванченко). Планируя убийство, палачи решили застрелить Михаила и его секретаря

Джонсона внезапно, как только выйдут из пролетки, чтобы не успели опомниться, не подняли шума. Тем более важны для нас последние слова Михаила Романова, с которыми он бросился в сторону верного друга-секретаря: «Разрешите проститься!» Вот подлинные слова, порыв благородной души.

История с сапогами известна была и раньше, только фразу эту приписывали другому Романову, великому князю Николаю Михайловичу, известному русскому историку, ученому. И сказал он эти слова тоже перед казнью, произошедшей в феврале 1919 г. в Петропавловской крепости¹. Кстати, с этими словами августейшего историка очень созвучен автограф, написанный Николаем Михайловичем на одной из своих книг, которую читал «пермский узник»: «Не поминайте лихом автора. Н. М.».

Но если в той байке нет ни логики, ни психологии, ни знания реалий, то кто же пускает ее? А выдумывать разные нелепицы стали те из убийц, кого позднее власти вынуждены были наказать «по партийной линии» за мародерские наклонности: вещи-то, принадлежавшие Романову, «народные мстители» разделили между собой. Часы Джонсона Андрей Марков носил до окончания своих лет, не мог нахвалиться.

Не отставали от этих палачей и те, кто опоздал «к праздничному пирогу». Как известно, претендентов на первый выстрел, желающих причаститься, примазаться к славе цареубийц, в те годы появилось в несколько раз больше, чем конкретных «застрельщиков».

И конечно, поражают – не могут не поражать – циничные, подлые способы жестоких большевистских (так писали это слово русские эмигранты первой волны) казней. О тактике убийств своих жертв, заложников с гордостью рассказывал в 1947 г. на торжественной встрече ветеранов революции и Гражданской войны бывший мотовилихинский боевик И. В. Зенков: «...зная, что там (в Совете. – В. Г.) засели меньшевики и эсеры, заранее зная, что их (арестованных. – В. Г.) отпустят, мы применили метод, что их украли при попытке бежать, потом пришлось делать окрики и стрелять в них... Этот метод был нерешительный, а потом уже привыкли (!)»² (см. об этом также ниже, в главе «И бросилось стадо с крутизны...» (Читая Достоевского)).

¹ В 2010–2011 гг. в Петропавловской крепости, у Головкина бастиона, были обнаружены захоронения 101 жертвы красного террора, в том числе Н. М. Романова, генерала А. И. Рыкова и др.

² ГАИИ. Ф. Р-1595, оп. 1, д. 261.

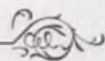
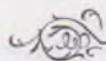

Фото С. М. Прокудина-Горского, 1910 г.

**ПЕРМСКИЙ ДЕТЕКТИВ:
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ**

ИЩУТ КИНОЛОГИ, ИЩУТ УФОЛОГИ...

МИР ДОЛЖЕН УЗНАТЬ, ЧТО С НИМИ СДЕЛАЛИ

Вспомним самонадеянное заявление одного из членов Уралсовета после казни в Ипатьевском доме: «Мир никогда не узнает о том, что мы с ними сделали». Узнали. Но тайна убийства и исчезновения Михаила Романова еще остается нераскрытой. Раскрытие ее – это уже не удел одиночек.

Может статься, могилы Михаила II и его секретаря Николая Джонсона мы так и не обнаружим. Предполагая такой исход, один из монахов мотовилихинского монастыря выразился четко: «Значит, недостойны, не покаялись, еще не замолили грех цареубийства».

С этим выводом не хочется соглашаться. Но даже если так и будет, то результат поисков все равно окажется не нулевым. Сам поиск останков, который особенно активно ведется с 2009 г., дает очень богатый материал для размышлений на темы исторической памяти, потому что историческое исследование, которое идет параллельно с поисками, предоставляет возможность восстановить пробы в памяти поколений, помогает сказать людям то, о чем боялись говорить...

К делу подключились поисковики из Екатеринбурга, работники Генпрокуратуры, московские и зарубежные специалисты и волонтеры. Усиление внимания к фигуре Михаила объясняется несколькими обстоятельствами. Весной 2009 г. великий князь, которого иногда называют последним императором России, был реабилитирован как жертва политических репрессий. Фактически идет поиск останков новомученика, который причислен к лику православных святых Русской зарубежной церковью еще в 1981 г., а в Пермской православной епархии почитается как местночтимый святой...

«С МОТОВИЛИХОЙ МЫ РАЗБЕРЕМСЯ»

Надо признать: и само убийство, и операция прикрытия и дезинформации были проведены большевиками блестяще. Опытные были конспираторы... Мотовилихинская казнь послужила сигналом, пусковым крючком, началом целой серии убийств, а точнее, искоренения «фамилии царствующих сатрапов».

Солнечная Мотовилиха... Революционная Мотовилиха... По-разному называют эту старинную заводскую слободу сами жители. В нашей истории Мотовилиха занимает особое место. Ей уготовано было стать тайным лобным местом для последнего Романова.

«С Мотовилихой мы разберемся», – многозначительно пообещал следователь по особо важным делам Генпрокуратуры Владимир Соловьев, тот самый, который возглавляет расследование убийства семьи Романовых. Сказано это было в Екатеринбурге в середине нулевых. Его фраза-обещание в среде краеведов стала уже крылатой, почти как хрестоматийная

*Царь молот стал символом
на Вышке*

Красная площадь в Мотовилихе

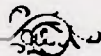
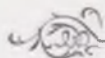
угроза Сталина, брошенная им в 1918-м, после «пермской катастрофы»: «А как вела себя Мотовилиха?» (А Мотовилиха вела себя в момент взятия белыми города плохо: сибиряки из дивизии Пенелеева ворвались в Пермь как раз через мотовилихинские лога, внезапным броском, как нож в масло, вошли.)

Мистика странных сближений, смертельных скрещений присутствовала в самой истории места. Мотовилихинские оружейники лили медь, пушки, крепили мощь царской России. Царь-пушка, Царь-молот – это здесь, на Пермских пушечных заводах, т. е. в Мотовилихе. Всех приезжающих в Пермь издавна привлекали эти диковинки, не стал исключением и ссыльный гражданин Романов. Судя по дневниковым записям, Михаил несколько раз приходил и приезжал сюда, знакомился с заводом, с местными достопримечательностями. Гулял и один, и с верным секретарем. Посещал и магазины, в том числе рыбную лавку Анны Рыжей (ее здание на бывшей Большой улице показывал нам в свое время старейший мотовилихинский краевед М. Н. Колпаков).

В этом месте присутствует некий исторический код, еще не разгаданный нами... Осуществленный здесь злодейский замысел мотовилихинских боевиков подтолкнул уже современного поэта Виталия Абанькина (кстати, уроженца этих мест) к «гениальному» предложению: если Мотовилиха стала могилой последнего российского царя, то и Ленина, когда будут выносить из Мавзолея, нужно похоронить тоже здесь, на мотовилихинской Вышке, у Царь-молота. Замечательный будет символ, считает поэт, пусть «царствуют» вместе и заставляют думать об уроках истории, уроках нашего непредсказуемого прошлого...

НИКОМУ ДОВЕРИЯ НЕТ

Свои секреты Мотовилиха выдает неохотно. Один из наших информаторов, сказавший, что знает место захоронения Михаила, помню, назначил встречу сначала в кафе у площади Восстания. Не явился. Я впустую прождал около часа. Вечером того же дня незнакомец перезвонил, сказал, что это была только проверка, ему, видите ли, сначала хотелось посмотреть на журналиста, можно ли ему доверять. На следующий день наша встреча все же состоялась.

Что более всего странно в этой темной истории: опубликованы воспоминания основных участников убийства великого князя, более того, обнародованы и свидетельства нескольких «претендентов» на почетную в советские годы роль «застрельщика». А вот свидетелей среди пермских старожилов, жителей тех мест, где разыгралось последнее действие кровавой драмы, почему-то не появилось.

Теперь этот пробел начал заполняться. Вот что вспоминал пенсионер из Перми Ю. А. Логунов, который решился все-таки на встречу с журналистом. Юрий Александрович практически всю свою жизнь прожил в Мотовилихе.

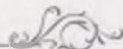
Там же, на «пушкарском» заводе работали его отец и дед – основные свидетели кровавых событий 1918 г. Это с их слов поведал нам ветеран все, что знал о том деле и о чем ему строжайше запрещалось говорить даже в родном доме.

– Место захоронения Романова знали некоторые наши старики, и, наверное, дети их тоже что-то слышали. Но тайну эту хранили как от красных, так и от белых, и от церкви, и от советской власти, потому что порядка-то не было и в те времена, и в нынешние, когда идут такие громкие убийства. Поэтому никому доверия нашего нет, – пояснил мне старожил при встрече.

...Жили они на окраине Висима, напротив старых кирпичных сараев. Неподалеку находилась поскотина (выгон для скота). В тот день отец и сын Логуновы почему-то не работали. Сын выгнал спозаранку животину. А к обеду с поскотины вдруг прибежало несколько ревущих коров. Послали сына (ему 15 лет тогда было) посмотреть, что случилось. Тогда он и обнаружил двух убитых людей, закиданных ветками, недалеко от дороги. Ветки коровы раскидали рогами. Вокруг тел убитых видны были пятна

*Юрий Александрович Логунов
на фоне Запрудского кладбища*

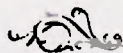

*Мотовилиха. Футбол на фоне Нобелевских складов
(снимок сделан со стороны Верхней Курьи)*

крови. Старший Логунов приказал: «Обо всем увиденном – молчок!» Сам сходил к соседям, они запрягли лошадей, взяли собак и уехали в лес. Решили предать тела убиенных земле. Собаки нашли неподалеку еще один труп. Обстановка в те дни была тревожная, в городе властвовали красные, но все разговоры крутились вокруг того, что «белые близко и вот-вот...».

– В детстве взрослые частенько брали меня с собой по грибы-ягоды да на сенокос, – рассказывал наш информатор. – На обратном пути старики всегда останавливались у могилы «государева слуги» (секретаря-англичанина Джонсона). Выпивали и мне давали кое-что положить на могилку. Ни креста, ни кола на холмике не было, но у дороги стояла скамейка из жердей. А с бабушкой я бывал у другой могилы, Михаила Романова. Бабушка крестилась, иногда ставила огарок свечи. Она договаривалась, видно, и с другими старухами, потому что они вместе иногда собирались у могилки помолиться.

Любознательный внучек заметил эту странность: почему дед ходит к «государеву слуге», а не к Романову? И получил крепкую взбучку за длинный язык сначала от деда, а потом и от бабки. Тайна эта мучила, не оставляла Юрия Александровича, почитай, всю жизнь. Перед смертью отца он спросил его, правда ли, что там похоронен Романов. Тот подтвердил...

Мотовилиха

В этих воспоминаниях есть немало моментов, которые находят подтверждение в уже опубликованных источниках. В частности, тот факт, что группа большевиков не сразу закопала убитых (испугавшись наступившего рассвета). Они вернулись закапывать трупы на другой день. И как на самом деле они справились с задачей, теперь уже трудно сказать точно.

Есть и существенное отличие от прежних сведений. Почти все участники убийства говорили о захоронении Романова и Джонсона возле складов Нобеля, т. е. в противоположном направлении от того места, на которое показывал старожил! Лишь у одного боевика прозвучали в устных воспоминаниях другие координаты (по свидетельству встречавшейся с ветераном партии Н. А. Аликиной) – в направлении речки Архиерейки¹. Исследователи, краеведы готовы были отмахнуться от этой версии, как несерьезной, решив, что ветеран, всю жизнь боявшийся ме-

¹ В ведении правления архиерейского дома Пермской епархии на этой мотовилихинской окраине находился хутор с загородным домом, мельницей и конюшней на р. Иве и 41 десятина пашенной и сенокосной земли (Архиерейка).

План Мотовилихинского завода. Начало XX в.

сти монархистов, опять запутывает следы. Но «забракованная» версия с архиерейским направлением теперь вновь появилась в рассказе нашего старожилы.

Вспомнились мне разговоры на заветную тему с нашими краеведами старшего поколения. О том, что Михаила убили где-то на Архиерейке, писал еще в 1970-х гг. мотовилихинский журналист В. И. Аборкин (мы с ним работали некоторое время вместе в «Вечерней Перми»). Создатель краеведческого клуба С. А. Торопов водил школьников на экскурсии «по романовским следам» тоже в направлении речки Архиерейки.

Автор нескольких книг о Мотовилихе Б. П. Кириллов также склонялся не к официальной версии (Соликамский тракт, Нобелевские склады...), а к Архирейке...

— В ту ночь, — продолжал Ю. А. Логунов, — жители окраин Висима, Стрелки, Запруды слышали стрельбу со стороны покотины и старого Лядовского тракта (так дорога сейчас называется). И выяснилось еще одно обстоятельство. По дороге с шумом, песнями и стрельбой (?) двигалась тогда же цыганская свадьба, направляясь из Лядов. А навстречу им, значит, другая «компания», с Михаилом Романовым. Чтобы разминуться, большевикам ничего не оставалось, как свернуть с дороги вправо, где глухие лога, там и решили покончить со своими арестантами...

Все эти показания, конечно, надо проверять (план местности со старыми дорогами, с крестиками на местах захоронений старожил нарисовал). С 1940 по 1996 г., говорил он, там многое изменилось, лесные дорожки заброшены, но следы их еще сохранились, т. е. основные ориентиры есть. Мы спросили еще у старика, почему же колчаковцам не удалось выйти на след, ведь они допрашивали, наверное, жителей.

Он усмехнулся (магнитофонная запись беседы передает тот странный, довольный смехок, словно передающий генетическую нелюбовь к чужакам):

— Белые тоже шустрили... но не там спрашивали. Они (тут он ввернул крепкое словечко) ничего. А наши старики все знали: и кто Михаила грохнул, и кто Лбова сдал (это еще раньше, в революцию 1905 г.). Это уже другая история...

История другая, но наш сталкер не утерпел и повел по лесам-оврагам показывать бывшую землянку лбовских разбойников.

Легенды старой Мотовилихи. Место лобное, место лбовское...

МЕСТО ЛОБНОЕ, МЕСТО ЛБОВСКОЕ?

Первый выход на место был обнадеживающим. Юрий Александрович, наш информатор и сталкер, указал опушку пригородного леса, где якобы в июле 1918-го разыгрался последний акт трагедии. Случившееся уже удача. Почему? Потому что Александрович решил довести дело до конца, для чего ему приходилось даже нарушать режим: мы «скрадывали»

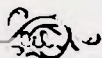
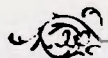
старика то из профилактория, то из больницы (обстоятельства напоминали то, как «умыкнули» из «Королевских померов» самого великого князя). А ведь он поначалу упорно не хотел «светиться».

Одну свою записку закончил так: «Меня не ищите, я буду сам звонить. По телевизору показывали искателя захоронения в Свердловске, так он, видный человек, еле ноги унес от КГБ». Сам факт появления устного информатора (а за ним появились и другие, ниточка потянулась) трудно переоценить. До сих пор убийство Михаила Романова и его секретаря Джонсона, можно сказать, самое нераскрытое. И хотя появились уже книги, но в них есть досадный пробел, недостающее звено: ни одного воспоминания или показания местных старожилов! Словно убийство проходило в необитаемом месте, так ведь нет же. Между тем А. Н. Авдонин, руководитель фонда «Обретение», который и способствовал во многом тому, что останки Романовых под Свердловском были обнаружены (кстати, это тот самый «видный человек», еле унесший ноги от КГБ), говорил, что именно «устные сообщения людей помогли в свое время и следователю Соколову, а позднее фонду „Обретение“, тайно сформировавшемуся в конце 1960-х...». Во Львове прошла даже международная конференция, посвященная устным историческим источникам, связанным с гибелью царской семьи. Пермяки в этом смысле очень отстают.

Дело благое, богоугодное – на начало поиска захоронения Михаила Романова наша маленькая экспедиция благословлялась, можно сказать, дважды: и доктором Авдоным, организатором «Обретения» в Екатеринбурге, и отцом Стефаном (Сиксеявым) в пермском монастыре. В Троицкой церкви, восстанавливаемой в Мотовилихе, поставили свечи... Батюшка сказал нам, что такую же работу обязательно надо вести и в отношении другой исторической личности – архиепископа Андроника. Убили его примерно в то же время, причем среди убийц популярного пастыря и Романова есть одни и те же лица.

Юрий Александрович вспомнил еще такой факт:

– Бабушка моя тоже водила меня в церковь, в Слудскую, на горе, зажигала свечку и меня заставляла ставить за упокой Михаила. Ну мне интересно все это было, понятно. А однажды пришли к скамеечке-то, которую старики наши поставили у опушки, я отбежал по своим делам, ну по-маленькому, в общем, а бабка как заорет на меня: «Куда ты... на князя, стервец!...» Вот что еще вспомнилось, уж извините...

В летнюю экспедицию Юрий Александрович, однако, сбежать с нами не смог, ему сделали операцию. Я подарил ему книжку с воспоминаниями и документами о Михаиле Романове (издательство «Пушка», 1996 г.). Так он, пока читал, чуть ли не через день звонил мне, сообщая о важных и не очень новых деталях и замеченных неточностях. Звонил рано утром обычно: «Федорыч, а ведь маршрут-то продвижения запутывали большевики. Подвышенская улица не там пролежала. Почему бы нам не провести свой следственный эксперимент – взять „пролетку“ и проехаться?...»

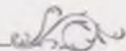
*Кандидат исторических наук
А. Мельничук*

Мы и проехали с краеведом Львом Перескоковым, воспользовавшись его «пролеткой» (машиной). Так, по крупницам, постепенно собиралась картина событий почти 80-летней давности.

К поиску подключились археологи Пермского госуниверситета под началом А. Ф. Мельничука. Весной 1997 г. для них началась обычная работа. На указанное стариком место выехали на редакционной машине («Пермских новостей»), поставили палатку. Любопытно, что в экспедицию наши археологи получили «пищевой рацион для терпящих бедствие на море». В июле сделали раскоп в одном месте, где, по воспоминаниям старожилов, был предан земле прах великого князя. Человеческих останков не обнаружили.

Однако возле той же опушки заметили одно странное место – как бы могильную насыпь, обсаженную елочками, причем деревья были посажены в форме стрелы, словно указатель какой-то. Сделали закопушку и здесь – ничего. Может, символическая могила? Надежды вспыхивали – и вскоре угасли.

Когда появился пестроцвет, как называют археологи вкрапления в почве иного состава, уж вспоминали и про большой рост Романова (под два метра), и во что он был одет в ту трагическую ночь... Призрак великого князя витал над нами...

Но сказано же: ищущий да обрящет, или на ловца и зверь бежит. Рано утром на палатку археологов наткнулись «звери» в лице запрудских жителей. Старушки, собирательницы грибов и ягод, подтвердили: да, они давно знают (!), что Михаила Романова расстреляли «где-то здесь». И добавили:

– Но самого его здесь нет, не ищите. Великого князя тайком перехоронили на наше кладбище, а где уж там – кто знает...

Это уже нечто свеженькое... Версия, не совпадающая с официальной историей, получает интригующее ответвление. Старое Запрудское кладбище действительно неподалеку, на горе, с обрыва которой иногда прыгают дельтапланеристы. Сильный ветер заносит порой их на могилки.

Вот так же, случайно, могло «занести» на отдаленный погост и великого князя?!

Палачи, значит, «увели» внимание потомков по заведомо ложному маршруту, к складам Нобеля. А местные жители, или «неустановленные лица», написали для трагедии свою концовку?

Спустя несколько месяцев, уже осенью, археологи продолжили раскопки в других местах, указанных старожилами, где как будто захоронен «государев слуга».

Говорит старший преподаватель кафедры древней и новой истории России Пермского университета Андрей Мельничук:

– Если старики говорят, что где-то в этих местах, то это, конечно, существенное расхождение с известными источниками. Думаю, что опубликованные ранее воспоминания участников расстрела явно прошли какую-то апробацию, т. е. в этом отношении архив должны были почистить. Такие дела, связанные с убийством, просеивались тщательно. Нельзя было допустить, чтобы могила Романова была найдена. Население говорит: здесь, и это уже определенная база. Ни про какие склады Нобеля жители и не упоминают. Но если версия с кладбищем имеет под собой основание, то тогда все. Тогда надо поступать, как в случае с могилой Марины Цветаевой в Елабуге. Там камень могильный поставлен, как известно, только на основании одного указания, что она похоронена «в этой стороне кладбища», и все. Раскопки вести нельзя. Вариант с кладбищем вполне возможен, христиане же рядом живут и перенесли прах, чтобы похоронить по-христиански, потому что у православного народа за кладбищенской чертой хоронили известно кого – только самоубийц. А на опушку население ходит, потому что произошла сакрализация этого места. Старики,

как вспоминает Юрий Александрович, частенько останавливались у этого места, выпивали, поминали. Русская тризна...

Итак, могилу не нашли. Но, как сказали археологи, отрицательный результат тоже результат. Плюс – появилась еще одна версия насчет перезахоронения Михаила на старом кладбище.

Версия не самая «экзотическая», надо сказать. Одна пенсионерка, полжизни прожившая в Мотовилихе, позвонила в редакцию и попросила проверить бывший дом, в котором в конце войны жила она с семьей. Все дело в том, рассказывала женщина, что в этом доме на Крайинрудской улице жил когда-то чекист Николай Жужгов. Люди шептались, что со своими друзьями привозил несколько раз арестованных в этот дом, пытал их.

– И Михаила в ту ночь, – сказала старушка, – он ведь тоже мог сюда завести сначала, убили его и закопали. Духи в том доме, бывшем жужговском, обитали нехорошие, это точно. Мама боялась ночами очень, и мы не смогли там жить, переехали. Надо проверить огород, а вдруг там Михаил?..

«Я РЕШИЛА СНЯТЬ ГРЕХ С ДУШИ»

Оживление поисковой деятельности и сообщения местных краеведов в СМИ¹ разбудили активность даже местных жителей. После одного из телерепортажей к автору этих строк обратилась жительница Мотовилихи, которая хотела показать место страшной находки.

– Там был даже череп с дыркой, видимо пулевым отверстием. А вдруг это череп царя? Это надо ехать по Соликамскому тракту в сторону Язовой, – объясняла по телефону женщина, назначая встречу.

А вдруг?! Это уже «наводка» на первую версию, официальную.

Когда мы встретились с этой женщиной (в присутствии следователя пермской прокуратуры) и выехали на место, Светлана Николаевна рассказала историю, начавшуюся еще в 1981 г.

Тогда ее семья получила участок под огород. Распахали делянку «на лошадке». И сразу наткнулись на большое количество каких-то пузырьков и склянок, а затем из земли стали появляться человеческие кости.

¹ *Первыми трупы обнаружили... коровы // Пермские новости. 18.04.1997.*

*«А вдруг это череп царя?»
Очередная свидетельница,
носительница памяти*

Был и череп, причем с дыркой, как будто от пули.

– Череп мой муж выбросил в траву возле тропинки. В общем, картошку на этом месте мы посадили только один раз. А потом отказались от такого участка, ну как можно тут что-то выращивать? Так этот огород и был заброшен, – говорит очевидица.

Женщина призналась нам, что страшная находка не раз вспоминалась ей все эти годы. Но она никому не говорила об этом (муж умер). А когда узнала о поисках Михаила Романова, приняла решение: пойти и рассказать. Рассказав, призналась: «Словно грех с души сняла. А то ведь спать уже спокойно не могла. А вдруг это был на самом деле царь? А мы с ним так обошлись...»

Другой местный житель, ветеран завода имени Орджоникидзе (зовут его Евгений Александрович), разочаровал нас: тут по соседству – разоренное кладбище на Вышке, уже не действующее. Парни копались на могилах, бросались костями... Да и кладбище не старое, примерно с 1930-х гг. Старожил этот охотно помогал поисковой группе, разрешил в огороде проверять участок с помощью шуна.

И рассказывал об истории этого места, которое, если верить официальной версии, показалось похитителям Романова самым укромным – возле Красного лога, речки Язовой. Это место и сегодня показалось бы мрачным, если бы... не такие люди, как Евгений Александрович. Воздух здесь далеко не абхазский, чего стоит только печально знаменитый пермский оксюморон – Кислотные дачи! Старожил говорит, что и сегодня соседнее предприятие – «Вторчермет» – часто производит вредные выбросы в атмосферу, и тогда жители стараются не высовываться из дома. А если еще учесть, что ветеран химзавода работал на нем в противогазе и все равно «шесть раз травился»... Но странно – ни капли уныния, вид у старика бодрый, глаза остро поблескивают. А ведь уже под 80!

– В 40 лет я уже был похож на старика, еле ползал, смотрел в землю. Квасил по-черному, – признается старожил. – Когда вышел на пенсию, решил взяться за себя серьезно. Бросил пить, работаю на огороде, посещаю фитнес-клуб, стал ходить в клуб любителей бега...

И главное – Евгений Александрович ходит на марафонские дистанции, которые у нас называются крестными ходами. В Бога уверовал, считает, это он продлил ему жизнь. Каждый год 12 июня ходит с молитвой от монастыря до Михайловской часовни, установленной на предполагаемом месте убийства Михаила Романова.

И, представьте, верит, что останки его будут обнаружены.

СПЕЦЫ ПО СВЯТЫМ МОЩАМ

Летом 2009 г. к поискам подключились профессиональные поисковики. Группа московских специалистов осматривала наиболее вероятные места захоронения великого князя Михаила Романова и его секретаря Николая Джонсона. Съездили и на Язовую, и на Архирейку. Возглавлял группу бывший следователь Генпрокуратуры России Владимир Константинов. У «опытного ищейки» особый нюх, недаром бывшего следователя по особо важным делам (вышел на пенсию) называют «спецом по святым мощам». Дело в том, что за последние годы Константинову удалось найти четыре захоронения священников и монахов (последнее дело – в Кирилловском монастыре), которые собором 2000 г. прославлены как православные святые новомученики. Владимир Филиппович много лет жил в Перми. Знаменитый нюх Константинова не молчал: проехав в сторону Архирейки раз-другой, он сказал, что одна из полян (указанных Ю. А. Логуновым) кажется «очень перспективным местом». Приехали и добровольцы, уча-

Поиск Михаила.

*Слева направо: П. Саракдинаки,
Л. Перескоков, В. Константинов*

ствовавшие в поиске «екатеринбургских» останков. Один из них, Петр Сараидинаки, кстати, является дальним родственником белогвардейского следователя Николая Соколова, который вел дело об убийстве членов царской семьи на Урале. Так что для этого человека поиск Романова – кровное дело.

Московскую группу сменили поисковики из Екатеринбурга, возглавляемые Андреем Григорьевым, заместителем директора научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области. (Напомним: соседняя с нами область название не сменила, хотя областной центр уже давно стал снова Екатеринбургом.) Члены военно-исторического отряда «Горный щит» были «вооружены и очень опасны».

Во-первых, они были с оборудованием, которое использовали на практике. Во-вторых, у них был опыт, просто неоценимый опыт по нахождению и изучению останков, ведь это были те самые специалисты, которым удалось обнаружить место захоронения последних двух членов семьи Романовых – царевича Алексея и его сестры, великой княжны Марии.

О том, как это произошло, наши помощники рассказывали прямо по ходу дела, во время проверки одного из предполагаемых мест убийства Михаила Романова...

С «Горным щитом»... или на щите: с помощью поисковиков из екатеринбургского отряда. Леонид Вохмяков надеется на удачу и здесь

...В результате новых раскопок обнаружили кости, а также обломки керамики (фрагменты посуды с серной кислотой, которой убийцы сжигали тела), две пули – как выяснилось, от того же типа оружия, из которого расстреливали жертв в Ипатьевском доме. Последующие экспертизы, генетическая и пр., подтвердили принадлежность найденных останков детям Николая Романова.

Кусочек керамического сосуда из того исторического раскопа в Старых Коптяках Григорьев привез в подарок своим пермским коллегам. Результаты первых выездов и закопушек в Мотовилихе дали пока немного: несколько косточек, гильзы, предметы, продукты хозяйственной деятельности, которые упоминаются в показаниях старожилов...

Везучий Леонид Вохмяков (это именно ему удалось пацунать останки царевича Алексея и его сестры у Старой Коптяковской дороги) нашел артиллерийский снаряд времен Гражданской войны и фотографию с надгробия мотовилихинца, захоронение которого находилось, судя по всему, где-то на близлежащем кладбище. Известно: почти-тельным отношением к предкам советские люди не отличались.

Опыт екатеринбуржцев полезен во многих смыслах. Никто уже не верил, что царевича Алексея удастся найти, а два настырных любителя-энтузиаста проявили характер и целеустремленность и добились своего.

Никто не хотел им давать деньги под «тухлое дело». Вежливый отказ пришел и из канцелярии принца Кентского. А ведь это особа, которая по наследству, по крови должна быть особо заинтересованной в успехе!

ПРИНЦ МАЙКЛ: «У ВАС ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ СЕРДЦЕ И ОТКРЫТАЯ ДУША».

В начале XXI в. в Пермь дважды приезжал принц Майкл Кентский, известный своей любовью к автомобилям. Сначала он посетил Западный Урал и Пермь как один из участников многодневного ралли. А в июне 2004 г. 62-летний принц Майкл вновь прибыл в Пермь, на этот раз на самолете. Принц приходится кузеном английской королеве Елизавете II, как он сам сказал на встрече со студентами ПГУ, имел родственников в царской семье: бабушка родилась в Петербурге

Леонид Вохмяков

(по линии великой княгини Ольги Константиновны). Его Королевское Высочество (так официально принято обращаться к персонам его происхождения, хотя сам Майкл давно отказался от прав на престол, и на российский, и на английский) ведет вполне демократичный образ жизни. Он признался, что на российских дорогах ему оченьгодились навыки вождения, было непросто.

Вторая поездка была благотворительной, в рамках программы «Новая российская провинция». Он посетил объекты Большекаменского водозабора (где работала группа англичан), встретился со специалистами компании «Новогор-Прикамье», побывал в медицинском центре, в Высшей школе экономики и в Пермском университете. А в первый вечер посетил театр и пришел в восторг от премьеры оперы Генделя «Альцина» (кстати, спектакль даже сдвинули на полчаса, поскольку высокий гость не успевал на премьеру из-за задержки авиарейса). Из-за столь насыщенной программы принц Майкл не осмотрел даже романовские места Перми (связанные прежде всего с великим князем Михаилом Александровичем). Отчасти это упущение организаторов визита удалось восполнить с помощью книги «Свет Белой горы», подаренной гостю автором (в книге немало места уделено царской семье). Слегка расчувствовавшись, принц Майкл признался в любви к русским – «...за то, что у вас есть замечательное сердце и открытая душа».

Понсковиков не обескуражило его равнодушие, обошлись своими скромными силами и средствами.

Свердловчане, кстати, помогают даже своим отрицательным опытом, «шпионками», которые они набили в ходе поиска. Из-за увлечения конспирацией и из-за других «побочных» соображений наши соседи невольно породили стойкую оппозицию (в том числе зарубежную), которая до сих пор сомневается в подлинности «екатеринбургских останков». Учитывая это, пермские понсковики с самого начала, с первой экспедиции конца 1990-х, работают в тесном контакте с учеными и представителями власти: с археологами Камской экспедиции, с сотрудниками Пермского краевого центра охраны памятников, с краевой прокуратурой, а также с православной церковью. В этом сотрудничестве уже содержится ответ тем критикам, которые ревниво и пристрастно держат «под прицелом» местную понсковую группу.

ПОИСК ИСТИНЫ

Есть одно немаловажное обстоятельство – знание убийцами особых примет своих жертв. Вспомним ту ужасающую подробность из воспоминаний Н. Жужгова про татуировку на теле Михаила Романова, на основании чего палач и предлагал расчленить тело убитого. Если убийцы имели возможность сжечь тела – тогда зачем расчленять? Особая примета, выражаясь на языке криминалистов, на теле Михаила действительно была...

Трудно определить грань, отделяющую историческое исследование от элементарного криминального расследования.

Судьба Михаила Александровича Романова (шире – царской династии) навечно, намертво (вот уж истинно) связана с Пермью. Каждый год в Прикамье едут и идут историки и любопытствующие туристы, ходоки, уже не сотни – тысячи, учитывая паломников, участников ежегодных Романовских крестных ходов, координирующим центром которых стал пермский Свято-Троицкий Стефанов монастырь в Мотовилихе. Между прочим, интересуются темой не только «отпетые монархисты», тянет на место преступления и идейных противников самодержавия.

Начавшийся процесс – поиск, увековечение, восстановление исторической справедливости – не остановить. Мы можем данному процессу только помочь. Чем? И результатами исторического исследования, и материальной поддержкой и, наконец, таким элементарным человеческим качеством, как участие, сиречь участливость, сочувствие.

Приезжают и россияне, и иностранцы. Так, француз преподаватель истории Лук Госселин увлекся историей последних Романовых, он проехал по всем царским местам Урала и Сибири. Вернувшись домой, продолжает писать автору этих строк, задавать вопросы. Теперь его занимает проблема, мог ли Михаил Александрович полностью отдаться политической деятельности, управлению государством. Летом 2009 г. с романовской Пермью познакомился американский исследователь Джон Донахью, его интересовала судьба фрейлин последней русской царицы.

Приезжал знакомиться с романовскими местами протонерей Геннадий (Беловолов) (Санкт-Петербург), организатор первой международной конференции, посвященной личности Михаила Александровича, которая проходила в северной столице, в местах, связанных с жизнью великого князя.

Группа американских романистов во главе с редактором журнала European Royal History Journal Артуром Бичем, проезжая по царскому маршруту от Перми до Чердынского района (на снимке они у святого Никольского источника в Пырьбе), описала свое путешествие в серии репортажей (февраль – апрель 2006 г.) на страницах своего «Королевского журнала»

Неоценимую помощь оказывает в романовском движении другой американец, наш бывший соотечественник, уроженец Перми Владислав Краснов. Он много пишет о Михаиле Александровиче Романове как о крупной исторической фигуре, которая может и должна стать привлекательной, имиджеобразующей, знаковой личностью нашего края.

Таким образом, данный процесс – явление объективного характера. Не пиар для властей, не «позор Перми», но – изучение отечественной истории в полном объеме, восстановление утраченного звена. От нас зависит, извлечем ли мы на этот раз урок из истории.

Ситуация вокруг Михаила Романова изменилась, особенно в сравнении с серединой 1990-х, когда мэр города даже отказывался говорить на тему Михаила Романова. «А при чем здесь Пермь?» – говорил он, вот и весь сказ.

*Природа-матушка скрывает следы... и указывает.
Михаила на этой лужайке не нашли*

*У могилы Гендриковой
и Шнейдер выросла
береза-крест*

Может быть, конечно, кто-то и хочет нагреть руки на этой истории. Но все слишком серьезно. Приведу пример с московским архивистом автором книги «Великий князь Михаил Александрович» (вышедшей в Москве в 2008 г.) Владимиром Хрустальевым. Владимир Михайлович не смог приехать на презентацию своей книги в Пермь, потому что получил инсульт: слишком трудно шла к читателю его многолетняя работа.

У одного из участников пермской поисковой группы уже во время летней экспедиции разыгралась язва – та самая болезнь, которой страдал в последние дни своей жизни Михаил Романов. Этот случай напомнил мне фильм режиссера Карена Шахназарова «Царевубийца», в котором врач-психиатр (его играет Янковский) пытается вылечить пациента, страдающего манией царевубийцы (т. е. Юровского, его играет Макдауэлл), но вылечить особым методом – перевоплотившись в его жертву. Перевоплощение проходит настолько успешно, что доктор сам верит в случившееся и погибает.

Все слишком серьезно... Тайна убийства и исчезновения Михаила Романова еще остается нераскрытой. Раскрытие ее – это уже не удел одиночек.

Точные координаты отсутствуют. Не было в распоряжении искателей той самой «записки Юровского» (коменданта Дома особого назначения, непосредственного организатора казни Романовых). Не было на-

Ищут кинологи, ищут уфологи...

водки, проявляющей записки очевидца...

В состав поисковой группы Петра Сарандинаки включены опытные специалисты из США, полицейские, даже кинолог с собакой. Пермские волонтеры, откликнувшиеся на призыв Пермской духовной библиотеки, помогают готовить почву, расчищают площадки по микрорайонам поиска.

Михаила по-прежнему нет, он словно испарился. Испарился...

Может быть, из-за нехватки документально точных указаний, а может, от отчаяния к поиску подключают уже и таких добровольцев, как лозоходцы, уфологи, экстрасенсы.

Первый эксперимент в таком роде предприняли после того, как группа поисковиков из Екатеринбурга проверила три участка в направлении бывших Нобелевских складов (по Соликамскому тракту). Проверяли при помощи металлоискателя и шупа. Помимо традиционных средств обнаружения, екатеринбургцы решили прибегнуть к нетрадиционной технике лозоходцев. Они проищкали с помощью лозы жилой дом на улице Наймушина. Дело в том, что бывшая хозяйка дома оставила письмо, в котором поведала мистическую легенду о великом князе, якобы закопанном под полом избы... О результатах пермских поисков горнощитовцы сообщили не сразу, а только после того, как вернулись из поездок на место гибели воинов 2-й ударной армии (Власовской) и в Бородино.

Предлагаем небольшую выдержку из отчета о пермской экспедиции, написал его Александр Михайлович Архипов.

«...В первый день мы работали по дому на ул. Наймушина. По записям следовало проверить два места: под печью дома и под теплицей в огороде. Аномалия была обнаружена только рядом с теплицей. Съём плодородного слоя до целика показал, что дальше земля не копана! Вывод: версия захоронения ВКМР на Наймушина не подтверждается, но здесь вполне

вероятна ошибка из-за моей низкой квалификации оператора биолокации! Также проверяли овраги с обеих сторон речушки. Кругом мусор позднего советского периода.

Второй день проверяли направление на Васильевку, о котором пишет Колпашиков (один из убийц. – В. Г.). По нашему мнению, от этой дороги сохранились два участка от поселка Чапаева до сада и дальше между садами (на карте отмечено синей линией). Первый участок проходит по лугу, поэтому мы проверяли лесную зону. На второй участок времени не хватило. Монеты (в основном советские. – В. Г.) найдены ближе к краю оврагов, похоже, там было место каких-то гуляний.

Всего доброго! А. А.♦.

Надежду наши помощники не потеряли.

...Однажды после очередных Романовских чтений доктор А. Н. Авдонин пригласил всех (автор этих строк тоже был среди докладчиков) посетить Мемориал Романовых, созданный на месте обнаружения царского захоронения, на Старой Коптяковской дороге. Там я и познакомился с одним из местных энтузиастов Николаем Неуйминым, краеведом и членом военно-исторического клуба. Словно оправдывая свою фамилию, Николай подавал реплики даже во время выступлений, никак не мог унять. Мы разговорились с возмутителем спокойствия на тему поиска останков «нашего» Михаила Романова.

Вдруг он предложил:

– Хотите, покажу место, где надо искать Алексея и Марию? Авдонин считает, что их захоронения в Ганиной Яме, где сейчас монастырь. А я думаю, здесь надо искать, неподалеку...

И он повел нас от мемориала, устроенного на месте мостика из шпал. Отвел в сторону всего метров на сто. Остановившись на полянке, он с жаром начал выкладывать свои резоны... Данный участок действительно оставался еще не исследованным группой Авдонина.

И что вы думаете? Спустя несколько месяцев поисковики военно-исторического клуба, возглавляемого А. М. Кручининым, начали раскоп на указанном «пяточке». А вскоре «вся мировая общественность» узнала о сенсационной находке...

Данный случай говорит о том, что в историческом расследовании нельзя отчаиваться и вредно полагаться на авторитеты. У наших соседей все получилось, как с ракетой-носителем космического корабля: сначала одна ступень, затем другая. Дело одного настырного и отважного искателя

(в данном случае я о докторе Авдониной: в начале поисков ему немало испортили крови работники «компетентных» органов) продолжили другие неутомимые охотники за истиной...

Останки, обнаруженные членами отряда «Горный щит» на Старой Коньяковской дороге, действительно принадлежат цесаревичу Алексею и великой княжне Марии, что удалось доказать с помощью целого ряда научных экспертиз. Незадолго до находки старший следователь Генпрокуратуры В. Н. Соловьев говорил на Романовских чтениях по этому поводу: «Если это не Алексей и Мария, будем искать еще 16 лет и еще».

Не понадобилось 16 лет! Кстати, именно на той XI конференции в Екатеринбурге нам довелось увидеть коленапреклоненным старшего следователя Генпрокуратуры России, расследующего особо опасные преступления, так называемые важняки. Именно таким, несколько патриархальным,

С Мотовилихой Владимир Соловьев
(третий справа, в группе пермских краеведов) пообещал разобраться...

способом решил выразить свою благодарность Владимир Соловьев доктору геолого-минералогических наук А. Н. Авдониному – одному из тех, кто в 1991 г. обнаружил место захоронения членов царской семьи и их приближенных.

А теперь о той многозначительной фразе Владимира Соловьева, о водах, которые важны и для пермского поиска.

– Без находки 1991 г., сделанной Авдониным с товарищами, трудно, невозможно было бы доказать принадлежность останков Алексея и Марии, потому что исследовали тщательно, отрабатывая метр за метром всю площадь возле прежнего места захоронения. Оставался непроверенным один участок, на котором и была сделана находка. Экспертизы косточек провели, все подтвердилось. Далее. В раскопе были обнаружены пули, выпущены они были из браунингов образца 1900 и 1907 гг., т. е. из того самого оружия, которым были убиты и другие члены царской семьи, такие же пули были обнаружены группой Авдонина в 1991-м...

– Меня очень расстраивает, – признался Владимир Николаевич, – что в алапаевском деле не все удалось дорасследовать, до сих пор не все тела убитых найдены.

На той конференции я спросил следователя, почему его «не расстраивает» дело об убийстве Михаила Александровича Романова, точнее, поиск его останков. ведь с него началась операция по уничтожению царской семьи на Урале, и об этом мы беседовали с В. Н. Соловьевым еще в 2002 г., когда он приезжал в Пермь (по другим делам). Почему же «задвинул» пермское дело в долгий ящик?

– Да, очень расстраивает, конечно, – ответил Владимир Николаевич. – Вы знаете, мне приходится еще заниматься другими громкими делами, как где какой-нибудь маньяк, так – туда... Михаил Романов очень важный этап для нас. Есть у нас в планах вести поиск. И есть предполагаемые направления поиска. Ясно, что искать надо. Есть отряд поисковиков, специалисты, есть желание найти. Нужно соединить усилия...

Тогда он и произнес свою многообещающую фразу: «Думаю, с Мотовилихой мы разберемся».

Когда-то, в далеком 1918-м, пермские боевики, вдохновленные успешной ликвидацией «Мишки Романова», рвались в Екатеринбург, чтобы помочь нерешительным товарищам разделаться со всей царской семьей. Тог-

да Уралсовет отказался от помощи разошедшихся местных большевиков, у которых руки чесались, а спустя месяц с Романовыми было покончено.

Ныне уже Екатеринбург помогает искать место «преступления века» в окрестностях Мотовилихи. Исторические «перевертыши». Правда, еще непонятно, кто кому помогает, точнее сказать, идет совместный поиск.

— Любопытный момент, — рассказывал нам во время проверки очередной мотовилихинской поляны Андрей Григорьев («Горный щит»). — В тот день, когда мы нашли останки Алексея и Марин, нужно было тут же составить акт о находке, а чистых листов бумаги не было. У меня в папке нашлись ксерокопии архивных документов, использовали их оборотки. И после подписания акта мы обнаружили, что на обороте его — ксерокопия заявления комиссара Уралсовета Петра Войкова со словами: «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали».

ОН ЦАРЬ ИЛИ НЕ ЦАРЬ?

МИХАИЛ РОМАНОВ В УСТНЫХ ИСТОЧНИКАХ. РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Историческое исследование далеких событий Гражданской войны продолжается. Реакция населения на сообщения в СМИ о поисках захоронения Михаила Романова дает нам интересный материал для обобщения и некоторых выводов.

Изучение устных откликов, редакционной почты (газеты «Пермские новости», в которой я работал в 1990-х гг.) подтверждает типичный расклад мнений по отношению к теме Романовых и к идее возрождения монархии в России.

Приведем фрагмент воспоминаний участника революции и Гражданской войны М. Ф. Горшкова-Касьянова, председателя Усольского ревкома (1894–1980): «...появление Михаила в Перми держали большевики в секрете. Однако по городу стали ходить слухи, главным образом среди мещан, буржуев и солдат 7-го (107-го) полка, о том, что не худо бы вновь на престол пригласить Михаила. Ясно, что буржуазия стала готовиться

встать под знамя Михаила. Держать в такой обстановке Михаила было невозможно...»¹

Воспоминания этого деятеля, активного участника революции, делегата 9-го партийного съезда любопытны тем, что они отражают слухи, циркулировавшие в пермском обществе. Автор мемуаров, написанных уже в конце 1950-х, выдвигает себя на первые роли в деле ликвидации Михаила, хотя ясно, что он находился всегда рядом и, так сказать, кормился крохами со стола основных организаторов и убийц. Об этом свидетельствует обилие неточностей, даже при описании внешности ссыльного Романова память подводит мемуариста. Михаил у него нарисован «смуглым, с окладистой черной бородой, с Георгиевским крестом на ленте». Гораздо ближе к истине В. Ф. Сивков, председатель губернского Совдепа (почетный гражданин Перми). В апреле 1918-го он короткое время жил в одной гостинице с ссыльным Романовым, в номерах бывшего Дворянского собрания.

«Когда я уходил на работу, — пишет В. Ф. Сивков в своей книге „Пережитое“, — одновременно со мною в коридор вышел высокий стройный блондин с военной выправкой, в сером свободном плаще, в фуражке военного образца и начищенных сапогах. При виде его невольно возникало представление о гвардейце...»

Примечательна реакция со стороны опытного революционера Сивкова, она ничем не отличается от поведения обычного обывателя: «Заинтересовавшись этим человеком явно не нашей среды, я пошел следом за ним, и так мы дошли до Губчека. Там он зашел в комнату дежурного коменданта, а я прошел к Малкову и, рассказав о встрече, спросил, кто это такой. Павел Иванович, улыбаясь, спокойно ответил мне, что это калиф на час Михаил Романов, в пользу которого Николай II отказался от престола...»²

Отношение населения к Михаилу, разговоры среди пермяков, атмосферу того времени М. Ф. Горшков передает достаточно верно. Характерно свидетельство пенсионерки Н., обратившейся редакцию. Не скрывая своего опасения (запретная тема!), она рассказала, что жила по соседству с чекистом, который был каким-то образом причастен к событиям июня 1918 г. Однажды, «по пьяной лавочке», сосед вспомнил фразу, сказанную его сотрудником, одним из участников похищения Михаила:

«Ну наконец-то с последним Романовым разделались!»

¹ ГАИИ. Ф. 90, оп. 2, д. Г-19, л. 52.

² Сивков В. Ф. *Пережитое*. Пермь: Кни. изд. ко, 1968.

Это говорит о том, что в Перми тогда было немало людей, воспринимавших Михаила Александровича как последнего русского императора. Осталась в памяти пермяков и телеграмма отрекшегося Николая, начинавшаяся словами: «Его Императорскому Величеству Михаилу Второму...» Во всяком случае, в среде старых большевиков, ветеранов партии, понимание этого было. (Кстати, только в Мотовилихе сохранилось уникальное название улицы – Старых Большевиков.)

Подтверждение этому мы находим в показаниях Романа Михайловича Нахтмана следователю Н. А. Соколову (допрос проводился в г. Чите в декабре 1919 г.). Г-н Нахтман жил в тех же «Королевских номерах», что и Михаил Романов, так вот он рассказывал: «...население города Перми, как мне удалось это заметить, пока я там был, относилось к Михаилу Александровичу прекрасно. Он принужден был ходить преимущественно по вечерам, иначе его окружал народ и открыто выражал ему свое сочувствие. Провизией его затаскивали (т. е. заваливали. – В. Г.): почти каждый день у него в номере была в банке свежая стерлядь»¹.

Нахтман приезжал на Урал из Гатчины, любимой Михаилом; если верить этому свидетелю, то приезжал он затем, чтобы разузнать что-то о Романове по просьбе супруги великого князя Натальи Сергеевны. У Р. М. Нахтмана сложилось убеждение, что Михаила удалось спасти с помощью какой-то монархической организации. Он жестоко ошибался...

И все же верующие старшего поколения Михаила Романова за царя не воспринимают. Это показывают опросы, беседы с участниками традиционных крестных ходов по маршруту монастырь в Мотовилихе – Михайловская часовня. Такой пример. В июне 2013 г. была выпущена аудиокнига «Последний царь. Император Михаил II» по монографии Дональда Кроуфорда. Перевод текста с английского языка, сделанный Ассоциацией активных школ, детьми и взрослыми, размножен на сотнях дисков. Эти диски ребята дарили в июне 2013 г. участникам Романовского крестного хода. Паломники благодарили школьников, но некоторые с недоумением спрашивали: «Какой это „последний царь“? У нас же Николай был последним...»

¹ Цит. по: *Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Пермь: Пушка, 1996. С. 183.*

Таким образом, смысл, значение манифеста Михаила Романова об отречении в пользу Учредительного собрания, до волеизъявления народа, населению, в массе своей, так и неизвестны.

СЛУГА – ЦАРЮ...

Пермский архивист С. В. Завершинская рассказала удивительную историю о своем предке Николае Ксенофоновиче Ефимовском 1889 г. рождения. Он служил в Петербурге, в Преображенском полку. Охранял царскую семью, конкретно девочек и царицу Александру Федоровну. Сопровождал их в театр, в поездках, при переездах из города на дачу. Присутствовал на их прогулках, на занятиях и при играх. Рассказывал родным и землякам, что девочек учили стряпать, готовить, обучали всем хозяйственным навыкам, они даже собственноручно чинили-штопали свои носочки и чулочки. Семье Романовых солдат был предан так, что, как сам признавался, за любую из царевен жизнь отдал бы не задумываясь! В родное село Янычи Николай вернулся в 1917 г., после того как полк его был расформирован. Когда узнал, что Романовых уничтожили, и Михаила, и царскую семью, дядя Коля тяжело переживал это. Как вспоминала его племянница, сама жизнь превратилась для него во что-то непонятное и ненужное. Как поговаривали в селе, от переживаний у него открылась чахотка. Тихо доживал свой срок в семье отца.

Он охранял царя

Старался быть незаметным, т. к. служил царю, а за это могли и к стенке. В душе он оставался верным присяге. Еще до революции прислал всем своим братьям и сестрам фотографии, на которых он в парадном мундире. Одна из них сохранилась каким-то чудом. А памятник с могилы Николая Ефимовского на сельском кладбище исчез, потомки знают только место захоронения, потому что ни плиты, ни надгробия уже давно нет, кто-то взял грех на душу, утащил для своих нужд, приспособив под фундамент.

Такова судьба человека, бывшего честным слугой царю.

Другой случай. Алексей Павлович Топоров, предприниматель из Кировской области, приехал в Пермь, чтобы посетить места, связанные с великим князем Михаилом Романовым. Посетил он и музей династии Каменских в гимназии № 4. Дело в том, что Топоров изучает все, что связано с лейб-гвардии кирасирским полком Ее Императорского Величества императрицы Марии Федоровны. Именно в этом полку служил прадед Алексея, и там же служил, командовал эскадроном с 1904 по 1909 г. великий князь Михаил Александрович. В 1918 г. он, уже ссыльный гражданин Романов, не раз посещал Успенский женский монастырь, на территории которого с 1950-х гг. располагается школа № 92, ныне – гимназия № 4 имени Каменских; а соседнюю усадьбу Тушицыных он облюбовал для своей квартиры и хотел туда переехать.

В семье Топоровых живет легенда о том, как много лет назад к прадеду Алексея приезжали странные гости, один из них называл себя Апрелевым. А с Апрелевым в устном семейном предании связана и странная фамилия или имя – Джонсон. Русский офицер Апрелев был подчиненным Михаила Романова, брата императора. Николай Джонсон, секретарь Михаила, был близким другом Апрелева. Летом 1918-го Дмитрий Топоров с гостями уезжали в Пермь. Может быть, спасти императора Михаила II?

С того момента, как Алексей Топоров узнал об этой версии, он начал собственное расследование. Упорно ищет что-то новое о своем прадеде, о Михаиле Романове и о его сослуживцах по кирасирскому полку. И ведь находит! Отыскал фотографии и архивные материалы. От предка Дмитрия Ивановича Топорова осталось совсем немного: три фотографии, парадный костюм, сапоги... и подстаканник – подарок от Апрелева. Фотографии наш гость подарил музею Каменских. Возможно, фронтовой дневник Дмитрия Топорова смог бы дать нам ответ на вопрос, кто же были эти таинственные гости, но, увы, документ уничтожен при пожаре в 1990-х гг.

• Я ДАВАЛА ПОДПИСКУ О НЕРАЗГЛАШЕНИИ •

«Народу много, помню, собралось посмотреть на брата царя. Привезли Романова на автомобиле с охраной, все в кожанках, охранники-то. Разгонять нас стали. А я любопытная была – страсть! Только когда меня прикладом ударили, тогда отступилась. Его, Михаила, привели вроде как в тюрьму. Одни в толпе кричали: „Так его! Молодцы!“ А другие жалели».

Моей собеседнице Валентине Николаевне Серебровой было уже около 90 лет. Беседа состоялась в 1996 г. Память сохранила хорошую, цепкую на детали. Почему ей стало тогда, в далеком 1918-м, жаль брата царя, эта бойкая старушка и сама не знала точно. Просто сжалось сердце. Вспомнилось, как девочкой еще возили ее родители в Одессу. И по дороге в поезде встретились пермяки с «человеком царской фамилии», как сказали Вале. Он покупал конфеты, угощал ее и сказал: «Хорошая барышня какая!»

Вторая встреча с представителем царствующего дома, уже в Перми, в годы Гражданской войны, увы, не была такой светлой и лучезарной, как в детстве...

Жизнь Валентины Николаевны сложилась непросто и совсем не так, как мечталось. Она успела окончить три класса гимназии, а дальше образовываться пришлось в основном самоучкой. Увлекалась историей, и отец иногда говорил матери: «Наталья Ивановна, у нас Валюта умная девочка, толк будет». Папа работал машинистом, мама происходила из зажиточной семьи Бушуевых. Если между родителями споры возникали, то папа мог в сердцах отпустить «страшное» ругательство: «Буржуйка!» – «А ты дырявый пролетарий!» – крыла в ответ мама.

Способная дочка пошла на курсы телеграфистов, освоилась с аппаратом Бодо – Морзе. «Служба у меня серьезная была, я давала подписку о неразглашении, – вспоминает Валентина Николаевна. – Многого насмотрелась-наслушалась такого, что... лучше не знать. Шифровки принимала большевистские и частенько с таким словечком встречалась: „Такой-то списан“. Даже узнавала про то, кому грозят аресты, но мне же нельзя говорить – подписка, и не говорила. Все в себе носила, весь ужас...»

Вот так юной телефонистке довелось услышать и о судьбе великого князя: «Мишка Романов был списан». Сказано с ноткой самодовольства: большевистские вожди Перми гордились удачной операцией, хотя офи-

циально властями в 1918 г. было пущено в виде прикрытия сообщение о «побеге» Романова.

В свое время организатор убийства Михаила Гавриил Мясников также давал подписку о неразглашении. Сам Ленин попросил его об этом, выслушав и поощрив пермских «идейных убийц». Позднее, разошедшись в некоторых взглядах с ленинцами-сталинцами, Мясников бежал за границу и нарушил свое обещание молчать.

«ГОРЕЛИ ОГНЕМ ЗЛОБЫ И МЕСТИ»

Член ВЦИК Гавриил Мясников в своей книге-исповеди цареубийцы признается: боевиков в команду для намеченного убийства Михаила он подбирал под одну колодку (из числа колодников-каторжников) и по своему подобию. Главный признак – чтобы глаза у всех четырех «горели огнем злобы и мести».

Более-менее свободные условия содержания ссыльного вызывали недовольство у части рабочих Мотовилихи, считавших, что с Михаилом слишком «миндальничают». Корреспондент крупнейшей американской газеты «Таймс» Роберт Уилтон, побывавший в Перми почти сразу после исчезновения Михаила и Джонсона, пришел к выводу: «Пермские жители не понимали, что их внимание к ссыльному может возбудить подозрения его красных врагов». Ему словно вторит пермский чекист А. Шамарин: «Ярко-монархические церемонии буржуазии, почти ежедневные шествия нового царя-спасителя до кафедрального собора по устланной коврами и живыми цветами мостовой раздражали рабочий класс».

В данном случае чекист имеет в виду то, как отмечали Пасху в Петропавловском соборе, как принимали там Михаила с Наташей. Случай этот многократно усилен и умножен недоброжелателями и врагами самодержавия, каких в Перми и Мотовилихе было на тот момент немало.

Но даже среди большевиков настроения царили разные. В. Ф. Сивков также отмечал в своих воспоминаниях далеко не враждебный прием ссыльного гражданина Романова в Перми.

«...Разговор с Малковым (председателем Пермской ЧК. – В. Г.) вспомнился мне, когда я прочел вскоре хроникерскую заметку в пермских „Известиях“ за 15 июня, в которой подробно рисовалось „похищение

Михаила Романова". После этой заметки по Перми и губернии поползли всевозможные слухи. Приверженцы старого режима, которых было немало, видели в похищении „перст Господень“ — чудо спасения от большевиков члена царской семьи. Они заказывали молебны „о здравии раба Божия Михаила“ и ждали, когда этот чудом спасенный появится во главе войска, „освободит пленного монарха и восстановит порядок“. Слухи доходили до меня, я рассказывал их Малкову, а по его информации я знал, что подобные настроения были и среди значительной части служащих советских учреждений Перми и Мотовилихи.

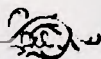
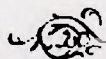
Все это были слухи, а мне хотелось знать правду, и на мой вопрос по этому поводу Павел Иванович совершенно спокойно отвечал: „Найдется Михаил, куда он денется!“ Судя по ответу Малкова, мольбы монархистов и церковников не дошли до адресата»¹.

Сестра председателя УралЧК Федора Лукоянова В. Н. Карнаухова, секретарь пермского партийного комитета, на допросе назвала Мясникова «кроважатым, озлобленным и вряд ли нормальным человеком». Многие среди местных партийцев побаивались Мясникова, полагая, что он способен на любую жестокость. Угроза для жизни Михаила стала реальностью именно с появлением Гавриила Мясникова в руководстве ЧК.

Весь путь этого, по-своему незаурядного человека, был подготовкой к царевбийству или к чему-нибудь подобному. Перед Февральской революцией 1917 г. Мясников провел четыре года на каторге за террористическую деятельность. Ему было 19, когда его арестовали в первый раз, и в последующие пять лет его жизнь была чередой арестов, побегов, работы в подполье. Мясников ненавидел все то, что воплощал в себе Михаил Романов.

С ругательской позицией ветеранов, чей «бронепоезд» еще стоит где-то в тупиках, смыкаются, по существу, «исследователи», подобные А. Седых, написавшему в редакцию газеты «Пермские новости»: «В марте 1917 года на крутом повороте истории залитая кровью и грязью телега романовской, а точнее, гольштейн-готторпской монархии (автором приводится даже генеалогическая таблица Романовых с соответствующей немецкой корректуркой. — *Ред.*) опрокинулась сразу и в глубокое болото. При таком тяжелом дорожно-транспортном происшествии возможны любые жертвы.

¹ Сивков В. Ф. *Пережитое. Пермь: Кн. изд-во, 1968. С. 186.*

Давайте свои силы, знания, материальные средства направим на улучшение нашей действительности, а не на бесполезное вытягивание из болота старой телеги, груженной неизвестно чьими черепами...»

О той же романовской «телеге», захавшей в исторический тупик, выступал на Романовских чтениях во время выставки «Православная Русь – 2013» кандидат исторических наук П. Н. Агафонов. Антимонархическая позиция не нова, она выражена и в книге отзывов Романовской выставки в Екатеринбургском областном краеведческом музее. Там, в частности, один из посетителей, член ЛДПР, яростно ругает царей немецких кровей.

С другой стороны, есть искатели национальной подоплеки иной разновидности, но также жаждущие обрести царя чистых, голубых кровей. Как будто это возможно! Не перевелись сторонники версии о ритуальном убийстве семьи Романовых. Они свято убеждены, что «тут не все чисто». «Сожгли же вот Михаила Романова в топке Мотовилихинского завода», – говорят такие «зацикленные» маловеры, поднимая из небытия еще одну небылицу.

Монархические настроения в Перми также в наличии, но проявлены они слабо, что подтвердил и посетивший осенью 1997 г. Пермь гость из Санкт-Петербурга А. Лоянич, тогдашний председатель Фонда возрождения монархии Всероссийской монархической партии. У данной партии на пермской почве есть единомышленники, но местного отделения монархистам создать не удалось.

ЕСЛИ ВЕРИТЬ ВИЛЬТОНУ. «РИТУАЛЬНОЕ СОЖЖЕНИЕ»

Среди мотовилихинских старожилов нередко встречались люди, которые убеждены до сих пор: искать место могилы Михаила бесполезно, потому что его сожгли на заводе.

В среде русской эмиграции эта версия также широко распространена. О том, что Михаила Романова «сожгли в топке», т. е. в печи пушечного завода в Мотовилихе, начали писать с подачи тех, кто все беды России объяснял «жидомасонским заговором». Вот и в бесследном исчезновении Михаила Романова они усмотрели проявление ритуального убийства, как, впрочем, и в убийстве царской семьи в Екатеринбурге.

Можно предположить, что версия эта стала популярна с легкой руки корреспондента крупнейшей американской газеты «Таймс» Роберта Уилтона (или Вильтона), работавшего в то время в России. Вернувшись в США, он выпустил в 1920-х гг. книгу «Последние дни императорской власти». Книга эта позже переиздавалась более 10 раз огромными тиражами! М. А. Романова, по Вильтону, боевики похищают, надев па голову мешок, и увозят на крестьянской телеге; там он и повествует о сожжении тела Михаила. Историк В. Хрусталеv, упоминая этот источник, всегда добавляет: «Если верить Вильтону...»

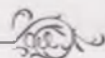
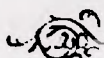
Сторонники «горючей» версии не учитывают, однако, реалий того времени и места действия. Сомнениям версию начал подвергать мотовилихинский краевед Б. П. Кириллов. Он доказал, что завод в то время не работал, перебивался небольшими заказами, а незаметно и, главное, быстро разжигать плавильные печи (да где — на оборонном предприятии!) было бы весьма проблематично.

Чтобы не быть голословным, приведу описание процесса литья (увидено глазами писателя Николая Телешова, очерк «За Урал»).

«...Я видел, как текла, словно масло, шипящая и сверкающая расплавленная сталь, видел, как из калильной печи выдвигалось толстое металлическое бревно, как подхватывалось оно и на цепях подводилось к молоту, как молот при первом же ударе оставлял на этом гигантском слитке свой решающий след; видел зияющие пасти печей, перед которыми невозможно, кажется, пробыть и десяти минут, потому что лицо и руки жжет, как при сильнейшем пожаре, а между тем рабочие переносят это легко. Впрочем, легко ли?.. Самый завод с его зданиями, разбросанными по громадной площади, и прилегающее к заводу село Мотовилиха с 12-тысячным населением представляют собой почти что город...»

Кроме того, Михаил Романов уже бывал в Мотовилихе, и не раз, дороге более-менее представлял, и, если бы фаэтоны, в которых их везли, свернули в эту сторону, он, скорее всего, взволновался бы, поднял «бунт на корабле». А так бедному ссыльному удалось внушить, что его с секретарем вывезут с какого-то разъезда, полустанка ввиду угрозы захвата города (белочехами).

О том, как бился огромный пушечный завод в тисках разрухи и безработицы, какие выходы пытались найти пушкарИ, свидетельствуют газеты того периода. Так, «Известия» Пермского губисполкома сооб-

щают об общем собрании Мотовилихинской организации РСДРП(б), состоявшемся 29 января 1918 г. Так вот, «чтобы с меньшими жертвами выйти из тяжелого экономического положения», тогда постановили:

- без труда смен не отмечать;
- безработные должны быть устроены или же распущены по деревням;
- намеченную демобилизацию довести ускоренным темпом, беспощадно бороться со всяким саботажем.

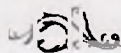
Ну а главное — «набрать две роты добровольцев в Красную армию, по возможности из холостых и бездетных, а излишний кадр специалистов направить в деревню в помощь крестьянству».

Завод, который маленькая девочка Женя Люверс¹, жившая на противоположном берегу, в дачном доме в Курье, сравнила с огнедышащим существом, которое «бормотало и ворочалось в клубах табачного дыма», теперь лежал почти бездыханным. Молох бездействовал — до поры до времени.

Еще одним доказательством того, что завод замолчал надолго и прочно, было бездействие заводского полигона. Он находился на правом берегу Камы, куда часто ездил на прогулку Михаил со своими спутниками. У нашего земляка Михаила Осоргина (Ильина) в новелле «Кама» находим детское воспоминание о том, как проходили испытания на пушечных заводах: «...стреляли через Каму, в леса, где на несколько верст вглубь были сшиблены деревья и вырыты ядрами (тогда уже снарядами. — В. Г.) глубокие рвы. Ходить в тех местах не полагалось, да и некому было, разве по воскресеньям, когда завод молчал, а через реку малыми паучками плыли в лодках люди из города и с завода на закамскую погулянку... бывали недолеты: ядро попадало в воду, и подымаясь фонтан брызг. Ни пушек, ни людей за далью на том берегу, только по дыму от залпов знаешь, от куда стреляют... Река гудела, воздух дрожал, и настроение рождалось военное»².

¹ Из повести «Детство Люверс» Б. Пастернака: «...только это ведь и требовалось: узнать, как зовут непонятное, — Мотовилиха... По утрам она стала задавать вопросы о том, что такое Мотовилиха и что там делали ночью, и узнала, что Мотовилиха — завод. казенный завод, и делают там чугуны, а из чугуна... но это ее не занимало уже, а интересовало ее, не страны ли особые то, что называют «заводы», и кто там живет...» Акт.

² Осоргин М. Мемуарная проза. Пермь. 1992. С. 130.

В «ОСОБОЙ СТРАНЕ»: ГДЕ ТА ИСТОРИЧЕСКАЯ МОГИЛКА?

А если тела не сожгли – стало быть, надо искать. Но надо знать предметно, кого и где искать... Пока же можно сказать, что вот уже два десятилетия поиск заплутал в трех соснах. Вспоминается фраза одного из участников далекой драмы милиционера Новоселова, который долго интриговал всех, в том числе газету «Правда», что знает место, «где та историческая могилка с сосной, на которой буквы ВКМР» (великий князь Михаил Романов). В итоге Пермская комиссия Истпарта установила, что милиционер только наводил тень на плетень, поскольку трупы он не закапывал (закапывали Жужгов и Колпашиков)...

В поисках новых сведений об отношении населения Мотовилихи, «особой страны», по определению героини Пастернака, к событиям, связанным с Михаилом Александровичем Романовым, мы опросили старожилов мотовилихинских микрорайонов Запруд, Висим, Вышка. Особое внимание уделяли беседам с бывшими пушкарями, ветеранами градообразующего предприятия. Этот своеобразный и очень ценный пласт знаний практически не поднимался до недавнего времени (до последних десятилетий XX в.).

Прежде всего важна информация по определению места убийства и возможного захоронения Михаила и Джонсона. Чаще всего назывались

*Пароходик «Мотовилиха». «Обратно переехали на пароходике-пароме»
(из дневника М. А. Романова, 13 мая 1918 г.)*

Соликамский тракт, склады Нобеля (так называемая официальная версия), архиерейское (запрудское) направление. Появились и другие версии, например о том, что Михаила убили на камских островах, что его захоронили на старом Запрудском кладбище и др.

В сентябре 2013 г. группа поисковиков из Екатеринбурга обнаружила в одном из проверенных мест (недалеко от тюрьмы) остатки стрельбища первых десятилетий XX в. Историкам об этом стрельбище ничего не было известно.

Мы многого не знаем. Безусловно, интерес представляет свидетельство пенсионерки из Мотовилихи бывшего директора школы-интерната № 53 Тамары Алексеевны Волковой. Она вспомнила о том, что известный пермский краевед С. А. Торопов, который фактически открыл тему Михаила Романова в пермской прессе в конце 1980-х, водил экскурсии для ребят на места предполагаемого убийства великого князя, причем водил в сторону речки Архиерейки. Это говорит о том, что Сергей Афанасьевич, который сам жил здесь, отрабатывал уже совсем другую версию, не ту, официально узаконенную публикациями воспоминаний самих палачей из группы Мясникова.

Запрудская жительница Мария Николаевна Кузнецова, библиотекарь по профессии, уже много лет собирает материалы о Михаиле Романове, и печатные, и изобразительные. Она считает Михаила последним императором России. А что касается места казни, то она уверена: убили его с секретарем где-то в архиерейском направлении, потому что убийцы были местными и хорошо знали, где лучше вершить темное дело.

В конце 1990-х в ходе опроса жителей Мотовилихи довелось услышать довольно необычную версию в одном из запрудских домов, неподалеку от кладбища. Запись воспоминаний старожила Запруда Ю. А. Логунова приведу полностью: «Заговорили мы давеча про Романова, про кладбище, и мне вспомнилось про кладбище-то. Вот бывает так, как будто восстановилась в мозгах картинка из детства. Сидят, значит, старики у нас на кухне, выпивают. Дед мой и дядя Леня, сосед, тоже всю жизнь робил на заводе. Зажиточный, справный был хозяин, дядя Леня-то, я помню, дом у них был хороший. Мне сколько... лет семь было тогда. Жарко в тот день было, я в трусах одних крутился рядом... Слышу, говорят про Романова, а я уже знаю про царя, ведь слышал от бабки.

„Так его пересхоронили на этом кладбище, сразу после убийства“, — говорит дед. И показывает примерно на то место, где тополя растут. На могилке камни привалили.

Ну я пошел туда, на кладбище. Деда нашего там же потом похоронили, в 40-х годах помер. Ну вот, бродил-бродил и нашел ведь могилу, похожую на ту, о которой говорили старики. Но почему-то она оказалась на татарском участке, там рядом у нас лежат все национальности, и евреи есть, и татары, и цыгане. И вспомнил, как дядя Ленья, Чашухин его фамилия была, рассуждал, почему на татарском-то. У православных каждую могилку знают, потому что она с крестом, с фамилией, священник отпевал опять же раньше. А Михаил же немец был (?!), они же все немцы, Романовы. Вот старики и схоронили его на том участке, недалеко от мусульман, где иногда хоронят вообще без табличек. Спрятали, в общем... •

Интересно, что в этом доме, бывшем доме Логуновых по ул. Братьев Каменских (улица носит фамилию не паромходчиков-меценатов, а революционеров, погибших в Гражданскую войну), недолгое время жила семья кадрового работника мотовилихинского завода, «партийного» человека, а в комнате на стене висит старинная фотография предков в рамке, выпиленной в виде двуглавого орла! Здесь же, в сараюшке, валялась решетка от местной волостной тюрьмы, разгромленной в 1917-м... Два поколения советских мотовилихинцев выросли под этой крышей, «под сенью» двуглавого орла. И ходики с царскими портретами исправно тикали в их домах. Противоречивый народ эти верноподданные пермяки.

Вспоминается начало биографии одного из убийц Михаила Романова — заводского кузнеца Ивана Колпащикова. Учиться ему не пришлось, но с 20 лет он познакомился с революционерами и, по собственному признанию, «стал читать, как живет царь, нужен ли он нам».

Конец этого палача плачевный. С 1922 г. И. Ф. Колпашиков работал начальником тюрьмы, пермского домзака. Но в декабре того же года его обвиняют в преступлении по должности. Из материалов следствия: «Он сам, Колпашиков И. Ф., и его заместитель все время пьянствуют, издеваются над арестованными, развращают арестованных женщин. Рядом с тюрьмой взяли в аренду дом, где устроили притон. Уличен в краже продовольствия, использовал лошадей в личных целях. Когда служащие и арестанты выразили протест, К. уволил женщину из канцелярии, заподозренную в доносе в ГПУ, и посадил ее в карцер». Дело передали

в губпрокуратуру. Колпашиков получил строгий выговор за пьянство. С августа 1924 г. «оставил службу по болезни», после чего вообще исчез с горизонта¹.

ПОЛНЫМ-ПОЛНА КОРОБУШКА...

Есть в Перми семья, в которой к судьбе Михаила Романова относятся с особым почтением, как-то очень лично. Почти по-семейному. Пенсионерка Маргарита Николаевна Мурашова – представительница многочисленного семейства, в котором в разные годы «скрестились» фамилии Мотовиловых, Русских и Ижболдиных. Она обладает удивительно цепкой памятью и очень много сохранила из рассказов своих деда, бабушки...

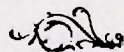

М. Н. Мурашова –
патриотка Мотовилихи

Рассказала нам о том, как их семье пришлось жить в доме, который до них занимал палач Жужгов. О нем люди так и говорили тогда: палач, изверг. Соседи, жившие неподалеку, на той же Крайпрудской улице, в ту далекую пору не раз слышали крики и выстрелы возле жилища Жужгова.

– Бабушка, а потом и мама очень боялись там жить, потому что на стенах виднелись бурые пятна, они не смывались, – сказала еще женщина. – А ночью то дверца хлопала, то словно ходил кто-то... И вы знаете, мы уехали оттуда, не смогли жить. Так вот, может, во дворе-то и закопаны жертвы чекистов, вы проверьте. А вдруг там Михаил Романов в огороде и зарыт, вы проверьте...

¹ Данные приведены по сборнику «Уральская Голгофа». Вып. 4. Пермь, 2009. С. 76.

Подобными историями иолным-полна мотовилихинская «коробушка»... М. Н. Мурашова (Русских) рассказывала еще о фотографии, долгое время хранившейся в их семье, а затем уничтоженной родственницей из-за опасения за свою жизнь. Великий князь во время прогулки по Мотовилихе сфотографировался с ее прадедом.

Когда в ее семье узнали вестъ про то, что Михаила Романова предлагается канонизировать, задумались. Вроде бы совсем не тот образ жизни вел великий князь, чтобы к святым его причислять. Судя по всему, он просто был хорошим человеком, умел любить и мог все ставить на карту любви к женщине.

«ЭВАКУИРОВАТЬ» НА ОСТРОВ

От М. Н. Мурашовой мы впервые услышали и такую версию: «Поговаривали еще, что Михаила расстреляли и закопали на острове напротив завода, вы знаете что-то об этом?»

Тогда – не знали, документы насчет казней на упомянутом острове еще не были обнаружены. Правда, в одном малодостоверном источнике встрети­лась фраза об острове. Ветеран партии М. Ф. Горшков-Касьянов (о нем см. выше), приписав себе роль основного палача, написал, как его, Горшкова, и Александра Шамарина вызвали в горсовет. Там А. Белобородов «в присутствии Мясникова, Зорина и Лукоянова, вручая... решение совета, сказал: „Михаила Романова нужно эвакуировать в мотовилихинскую тюрьму – это островок против завода, где расстреливали контрреволюционеров“. Мне с Шамариным (ныне персональный пенсионер, живет в Кисе. – В. Г.) было ясно, что мы выполняем волю народа. Через час приговор был приведен в исполнение...»¹

Жаль, конечно, что историки партии не записали в свое время воспоминания персонального пенсионера А. Шамарина, упомянутого в мемуарах Горшкова. Было бы интересно сравнить мнения двух «неподкупных партийцев». В приведенном нами тексте много неточностей и выдумки, ясно, что автор воспоминаний решил отнять лавры цареубийцы у неиосредствен-

¹ ГАИИ. Ф. 90, оп. 2, д. Г 19, л. 53.

Мотовилиха – Кама, завод, остров

ных исполнителей акции. Напомним, книга Г. Мясникова «Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова» была еще неизвестна, автора расстреляли в 1945 г., а его мемуары лежали как вешдок в архиве госбезопасности. Однако насчет острова против завода все точно: в 1918 г. чекисты действительно расстреливали здесь «контру» (заложников), этот факт подтверждается целым рядом документов, обнаруженных в последние годы, в том числе в московских архивах¹.

МИСТИКА, ДА И ТОЛЬКО!

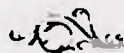
Нельзя не обратить внимание на то, как сильны среди пермяков, интересующихся историческими связями Романовых с Уралом, мистические настроения. От Михаила до Михаила... От Ипатьевского монастыря до Ипатьевского дома... Цареубийца Ганька Мясников в Перми и могила Ганина Яма под Екатеринбургом...

Что уж говорить о том, что в судьбах палачей, цареубийц народ зачастую склонен усматривать перст Божий, наказание свыше, роковое предназначение мук смертных за то злодеяние, что они совершили.

Не избежал мистики и автор одной из новинок на романовскую тему.

В своей книге «Пермский крест: Михаил Романов» Владислав Краснов напоминает о том, что цареубийство свершилось на территории Пермской

¹ *Остров мертвых // Годы террора. Пермь. 2010.*

губернии, включавшей тогда и Пермь, и Екатеринбург, и Алапаевск. И началось оно с устранения Михаила в Перми. Именно в нем большевики видели главную законную альтернативу своей узурпаторской власти. Название книги намекает на пророчество Иоанна Кронштадтского о грядущих революционных событиях. Однажды он сказал пермским купцам, что видит над пермской землей тень черного креста. Фактически это сборник статей, увидевших свет за несколько последних лет. Первая статья – «Обращение к гражданам Перми и всей России» – появилась в московской газете «Русский вестник» в 2006 г. В ней Краснов призывает граждан России сделать свой вклад в увековечение памяти самой знаковой жертвы большевистского террора. Последняя статья – «Вклад великого князя Михаила Александровича в развитие конституционной системы в России» – была напечатана в журнале Государственной Думы «Представительная власть» осенью 2010 г. Хотя Михаил II «правил» всего один день, его манифест дал законную основу для деятельности Временного правительства и сделал выборы в России всеобщими, равными, тайными и прямыми¹.

Книгу В. Краснова украшает необычный пейзаж с ореолом вокруг солнца.

Сам автор дает такое пояснение:

– В Перми воздвигнут покаянный крест около часовни Михаила Тверского, небесного покровителя Михаила Александровича. Построен он был с целью снятия тени черного креста, до сих пор довлеющей над страной. Эта тень омрачает жизнь россиян то в форме пожара в ночном клубе «Хромая лошадь» в Перми, то необъяснимых авиакатастроф, а еще чаще в ужасах терактов. Во время освящения покаянного креста сотни людей, собравшихся у часовни после крестного хода, увидели на небе ореол вокруг солнца.

Не сигнал ли это свыше, что пермяки вышли на правильный путь?

В почте автора есть и довольно необычные отклики, если не сказать экстравагантные. Впрочем, в духе нашего времени. Одно из писем, полученных мною, – письмо экстрасенсам.

«В 2013 году дом Романовых встретит свое 400 летие, и неупокоенный дух последнего императора будет витать над праздником. Кости Михаила 94 года гниют в одном из старых районов уральского города

¹ Подробнее на эту тему можно прочитать в книге «Пермский крест» (http://www.raga.org/cgat_mikhail_romanov_index.html).

Перми. Похоже, ему это разонравилось, ибо за три года на город упало три самолета, автобус потерял управление и сбил 15 машин, а клуб „Хрмая лошадь“ выгорел дотла. 156 пермяков задохнулось – случайно ли? – именно в день рождения последнего императора. Не слишком ли много бед для провинциального городка? Или действительно дух Михаила охотится за земляками своих убийц?

Если отыскать его останки – по силам ли это Вашим экстрасенсам? – то, может, целый город вернется к спокойной жизни? Или обрушившиеся за столь короткий срок бедствия никак не связаны с императорами? Тогда с чем? Когда-то, еще в 1890 году, к Иоанну Кронштадтскому пришла за благословением купеческая семья из Пермской епархии. Православный провидец сказал, что над Пермью висит черный крест. Кто знает, может, этот крест появился, когда Борис Годунов в 1601 году сослал в яму на север Пермского же края своего соперника – боярина и тоже (ирония судьбы) Михаила Романова. Двухметровый претендент на место первого царя нашел смерть в той же земле, где и последний. Так за Уралом закрепилось имя „могила Романовых“. Может, пришло другое время, и нести этот черный крест больше не надо?»

Автор письма экстрасенсам предложил обратиться к экстрасенсу с просьбой обнаружить останки Михаила по его музейным вещам. Подписал это странное обращение Александр Александров, представившийся как поэт. В письме есть еще такие слова: «Если есть профессионалы, пусть приедут и найдут; если смолчат, значит, и не экстрасенсы вовсе».

Устные источники ученые собирали и изучали во все времена, с этим, наверное, никто спорить не будет. Судя по таким выступлениям, далеко не всем еще известно, что воспоминания четверки убийц из команды Мясникова прошли кардинальную партчистку и обработку. Когда готовился сборник «За власть Советов», в 1924 г., комиссия Пермского истпарта провела серьезную подготовку членов этой команды. К. Г. Ольховская вызывала всех их не по разу, причем сразу определила границы дозволенного: «Товарищи, не надо называть конкретное место казни, это раз, и не надо восхвалять товарища Мясникова, вы сами знаете, какую неправильную линию он гнет, какую ошибку допускает, выступая против ленинской линии...»

Но этого было мало. Именно Конкордия Ольховская, опытная партийная дама, правила, редактировала, вычищала полуграмотные «сочинения» членов четверки. Выправляла и по стилю, и по фактам. Так, в первом варианте показаний А. В. Маркова четко определена роль начальника Пермской ЧК Павла Малкова, читаем: «...в Перми (после приезда из Мотовилихи. – В. Г.) лошадей поставили во двор Губчска, посвятили в это дело председателя Губчека тов. Малкова и помощника Иванченко т. Дрокина». И далее: «...я сел за пишущую машинку и напечатал (мандат. – В. Г.), поставили не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подписал...»

В окончательном варианте, однако, момент про то, что Малков был посвящен в детали операции с самого начала, старательно убран, и понятно почему. В этом отретушированном виде документ и появился в печати. Этот же подчищенный вариант появился и в книге «Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы» (Пермь, 1996. С. 152–153)¹.

В 1990-х гг., после публикации воспоминаний Андрея Маркова, поиск велся только в направлении Соликамского тракта, Нобелевских складов, Красного лога и Язовой. В числе первоисточников не всегда называют книгу Олега Платонова². Надо отдать должное Платонову: московский журналист намного раньше пермских краеведов и поисковиков посетил Мотовилиху, в том числе Красный лог. Он еще застал в живых старожила тех мест Анну Васильевну Кочеву (р. 1908), которая жила на Домостроительной улице. С ее помощью проложил предполагаемый маршрут царубийц. Но, увы, только предполагаемый.

При этом Платонов упрекнул пермяков в том, что «местным краеведам ничего не известно». И по сути, он прав.

В самом деле, как можно говорить о сколь-нибудь серьезном успехе местных историков, если один из исследователей темы повсеместно убеждает: «Тела Романова и Джонсона не увозили далеко, а закопали вблизи места убийства на глубину до 3 саженей, около сосны, на стволе которой якобы одним из похоронщиков нацарапано „ВКМР“». Три сажени – это более шести (1) метров. Как он себе это представляет, как могли два «по-

¹ Подробнее о подготовке сборника «Борьба за власть» см.: Гладышев В. Зеленая папка // Страницы прошлого: Смышляевские чтения. 2003. С. 115.

² Платонов О. Убийство царской семьи. М.: Сов. Россия, 1991.

хоронщика» так глубоко вгрызаться в землю? Верно сказал Чехов, человеку мало трех аршинов земли...¹

На самом деле в воспоминаниях одного убийцы, а именно Колпашикова, указано, как они с Жужговым «...стали рыть яму глубиной два аршина, в которой и зарыли тела убитых».

Раскрытие тайны Мотовилихи – это не удел одиночек. Надежда на то, что раскрыть эту тайну удастся, не пропала, она сохраняется. Вспомним, что в Санкт-Петербурге место захоронения четырех великих князей Романовых, расстрелянных в январе 1919 г., удалось найти лишь в этом веке, в 2009 г. А ведь они были похоронены в двух шагах от стены Петропавловской крепости, между Головкиным бастионом и Кронверкской протокой... Фактически в нескольких шагах от музея, от романовской усыпальницы...²

УЧИТЕЛЬНИЦА БИТНЕР СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ...

Людская молва – это страшная штука. Несправедливые наветы могут человека морально убить, уничтожить, известное дело. Вот почему для нас так важно появление новых фактов, свидетелей в царском деле.

Еще один важный свидетель времени выявлен недавно, это учительница царских детей Клавдия Михайловна Битнер. В романовской литературе ее имя уже появлялось. В книге «Убийство царской семьи» автор, колчаковский назначенец следователь Николай Соколов, высказал очень важные мысли для будущих исследователей преступления века. В заключении к своему труду следователь сразу отменил все домыслы и напрасные надежды насчет побега Михаила Романова.

«Насилие над царем определило судьбу не одних только детей его. Сугубо пытаются внедрить версию о спасении великого князя Михаила Александровича путем бегства. Пусть думают, мог ли он решиться на это, не задумавшись над вопросом, что же в таком случае станет с его державным братом и с его семьей» (!).

¹ Поисковик Леонид Вохмяков («Горный щит»), услышав версию врача, прокомментировал: «Для сравнения: окоп полного профиля один солдат копал за 8 часов. И куда же эти „похоронщики“ девали землю из ямы? И все это надо незачетно, они же боялись обнаружения...» Акт.

² См.: Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 21. СПб., 2011. С. 109.

Как мы знаем теперь, Михаил Романов, конечно, задумывался над этим кардинальным, нравственным вопросом — и решил его для себя сразу и однозначно.

Вместе с таким важным для нас выводом следователь Соколов вводит в оборот другой основополагающий принцип братьев Романовых: быть в трудную минуту вместе со своим народом.

Возможен ли был отъезд за границу Николая Романова? Как свидетельствует Клавдия Михайловна Битнер, которая была в Тобольске домашней учительницей царских детей, такие намерения бывший царь отметал с порога. Н. Соколов пишет, что накануне увоза царя из Тобольска проститься с семьей пришла и К. М. Битнер. Впоследствии она рассказала Соколову:

«Он был удручен и рассеян. Я стала его утешать и сказала, что так, быть может, будет лучше. Он безнадежно смотрел в это время на будущее. Когда же я сказала, что его, быть может, увезут за границу, он ответил: „О, не дай-то Бог! Только бы не за границу“».

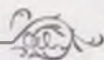
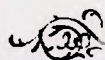
С помощью архивиста Л. А. Лыковой (Москва) удалось установить, что Клавдия Михайловна Битнер тесно связана с Пермью. (Действительно, она училась в женской гимназии, а позднее в университете. В архиве (ГАПК) я нашел несколько документов о семье Битнер.)

В 1918 г. К. М. Битнер оказалась в Тобольске, куда привезли под охраной царскую семью. Она стала спутницей жизни полковника Е. С. Кобылинского, начальника охраны царской семьи (участник Первой мировой войны Е. С. Кобылинский в 1927 г. году был вывезен из Харбина чекистами и убит).

Так вот судьба распорядилась так, что пермской учительнице довелось, пусть и непродолжительное время, наставлять уму-разуму царских детей. Ее впечатления о подготовке детей довольно характерны и, думается, объективны. О том, как она получила столь необычную и ответственную

К. М. Битнер

работу, рассказывает в своих мемуарах В. С. Панкратов, комиссар Временного правительства при царской семье.

«Бывший царь как-то обратился ко мне с вопросом: можно ли будет пригласить еще одну учительницу? Полковник Кобылинский и я решили предложить ему одну учительницу.

— Я должен посоветоваться с Александрой Федоровной, — ответил мне бывший царь, поблагодарив за предложение. — Все вопросы о воспитании детей мы с Александрой Федоровной разрешаем вместе».

Через несколько дней новая учительница, Клавдия Михайловна Битнер, уже приступила к занятиям. Панкратов как-то раз заговорил с ней, спросил, какова подготовка детей. Ответ был несколько неожиданным:

«— Очень многого надо желать. Я совершенно не ожидала того, что нашла. Такие взрослые дети и так мало знают русскую литературу, так мало развиты. Они мало читали Пушкина, Лермонтова еще меньше, а о Некрасове и не слыхали. О других я уже и не говорю. Алексей не проходил еще именованных чисел, у него смутное представление о русской географии. Что это значит? Как с ними занимались? Была полная возможность обставить детей лучшими профессорами, учителями — и этого не было сделано.

— Что же их больше всего интересует и интересуется ли что; может быть, в них все убито дворцовой жизнью? — спросил я.

— Интересуются положительно всем. Они очень любят, когда им читаешь вслух».

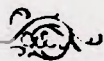
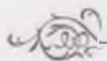
По рекомендации комиссара Панкратова, Клавдия Михайловна читала детям царя вслух Некрасова «Русские женщины» и «Мороз Красный Нос». На следующий день Клавдия Михайловна рассказывала, какое потрясающее впечатление произвели на всех детей поэмы Некрасова. Все слушали внимательно, даже Николай и бывшая царица присоединились к занятию. Дети были в восторге.

— Как это нам никогда не говорили, что у нас был такой чудный поэт? — говорили княжны.

Через некоторое время В. С. Панкратов попросил учительницу сообщить свое мнение, как продвигаются занятия.

— Алексей не без способностей, — последовал ответ, — по привычке к усидчивой работе ему не привили. У него наблюдается какая-то порыв-

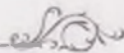
вистость, нервность в занятиях. Что же касается Марии и Анастасии, то метод, какой применялся в занятиях с ними, не в моем вкусе, — ответила Клавдия Михайловна. — По моим наблюдениям, забота об образовании и воспитании детей была присвоена Александрой Федоровной. Николай II почти не вмешивался. Но вмешательство Александры Федоровны не всегда удачно.

Клавдия Михайловна рассказала случай, когда после одного их таких вмешательств, совершенно неуместных, она довела бывшую императрицу до слез.

«Как-то раз во время урока Алексей спрашивает меня: „Скажите, Клавдия Михайловна, почему нас все обманывают?“ — „Как обманывают? Кто вас обманывает?“ — переспрашиваю я Алексея. И вот что он рассказал мне: „Вчера вечером Владимир Николаевич (доктор Деревенко. — В. Г.) велел мне принять ванну. После ужина я сижу и жду, когда меня позовут в ванну. Сидел, ждал... до поздней ночи, и вдруг мне говорят, что ванной пользоваться нельзя: она испорчена... А сегодня утром узнаю, что вчера в ванне купалась мадам Тютельберг...“»

К. М. Битнер призналась, что она была смущена и возмущена таким поведением особы, которая поехала по сочувствию к пострадавшей семье, которая не раз заявляла о своей преданности, о своем желании смягчить участь пленниц, и вдруг — такая бесцеремонность! «Хотелось мне сказать Алексею: ведь это ваши любимцы, ваши придворные, а не все, как вы сказали, но воздержалась и обещала сообщить вам, как комиссару». Она порывалась даже уйти, отказаться от занятий, но ее отговорил комиссар Панкратов. Он сделал строгий выговор дворецкому, чтобы впредь этого отнюдь никогда не повторялось. А для себя сделал такой вывод: «Можно с уверенностью сказать, что она никогда не позволила бы себе подобного поступка до февральского переворота. А теперь — почему же нет. Такова придворная тактика хамства и лакейства...»

В прошлом политкаторжанин, Василий Панкратов оставался верен своим выстраданным убеждениям и на этом посту, охраняя царскую семью от расправы со стороны рабочих. Угроз поступало немало. Сплетен о царской семье большевистские газеты приносили каждый день просто ушаты.

Но, к удивлению комиссара, бывший царь все грязные сплетни, распускаемые о них, словно не замечал...

• • •

Таким образом, мы видим, что интерес к «тайне века» то вспыхивает с новой силой, то ослабевает, но не угасает. В юбилейный для дома Романовых год, после православного крестного хода, один из его участников спросил:

– А могли тело великого князя Михаила перезахоронить, увезти из Мотовилихи в 1940-х гг.?

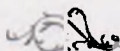
Вопрос этот, не в первый раз возникающий, вызван публикациями о том, что после войны, в 1946 г., под Свердловском и Пермью были предприняты раскопки мест захоронений членов семьи Романовых. Якобы потревожены были могилы с участием всемогущего МГБ, ведомства Лазаря Берии. И с далеко идущей целью: предъявив останки убитых своим западным союзникам, советская сторона могла претендовать на денежные вклады царской России, хранящиеся в банках Европы и Америки¹.

Документальных подтверждений факту вскрытия могилы Михаила до сих пор нет, как нет и единства мнений по этому животрепещущему вопросу... Среди жителей Перми, наших современников, все еще тлеют угли гражданского противостояния и раздора, очень живучи настроения «классовой мести» и жажда крови.

Вывод один: не обрести нам ни останков убиенных, ни царских вкладов без покаяния... И такое мнение разделяют многие пермяки, которые равнодушны к делам давно минувших дней 1918 г. Проявлением этих настроений стало проведение традиционных крестных ходов и Романовских чтений в Перми.

«Черное дело убийства Михаила положило начало вознесению черного креста над пермской землей и над всей Россией по пророчеству Иоанна Кронштадтского, – сказал архиепископ Пермский и Соликамский. – Урал стал русской Голгофой, и, пока россияне не вернутся

¹ См., в частности: Лыкова Л. А. Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. М., 2007.

Уралсовет принимает вас под охрану... Екатеринбург. 1918 г. Худ. В. Пчелин

к своим историческим корням и к вере в Бога, наш долг еще не выполнен до конца. Мы должны осознать, что в лице Михаила был убит не просто Романов, но замечательный человек, гражданин и патриот».

VI

**СВЯТОГО ИЗ НЕГО
СДЕЛАЛИ БОЛЬШЕВИКИ
И... НАТАША**

БОЖЕСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЛЮБВИ

Как известно, к лику святых иновомучеников великий князь Михаил Александрович Романов в 2000 г. причислен не был. Сегодня можно только предполагать, что заставило отцов православной церкви быть более осторожными в отношении личности Михаила, когда они прославили бывших царя и царицу и их детей, убитых в Екатеринбурге, тем более что Михаил Романов был причислен к лику святых иновомучеников Русской православной зарубежной церковью еще в 1981 г.

Как бы то ни было, в Пермской епархии он почитается как местночтимый святой, его образам молятся участники традиционных крестных ходов начиная со второй половины нулевых.

Великий князь Михаил в монастыре

Бесспорно одно: за Михаила говорит его мученическая, поистине праведная гибель и его умение любить. В свое время противоречивые отзывы вызвала женитьба Михаила. Но, как бы то ни было, только уважение способно вызвать и вызывает его умение беззаветно любить женщину, самоотверженно защищать семейные узы.

«Перед Богом и людьми совесть моя чиста», – сказал Михаил Александрович, объясняя своему венценосному брату свой поступок.

Другими словами, святого из Михаила II сделали пермские большевики и – его Наташа...

ЦАРСКАЯ ОХОТА НА НОВЫЙ ЛАД

В это трудно поверить, но в мае 1918-го, в условиях пермской ссылки, когда Наталья и Михаил наконец-то вновь встретились, они испытывали почти те же самые чувства и эмоции, которые уже познали в полной мере в самом начале своей совместной жизни, когда вспыхнул их страстный и скандальный роман, нашумевший на всю Европу. Происходило это почти 10 лет назад, когда великий князь и его возлюбленная отчаянно боролись за свое право любить. А вокруг этой пары создавалась незримая клетка, даже когда они пытались встречаться хоть изредка, хоть ненадолго... Хоть инкогнито, будь то в Москве или в Европе.

Смешно сказать, но о тщетности такого способа передвижения (скрыв свое имя) Михаилу говорил сам Николай II. Он поучал своего младшего брата, что «теперь нигде невозможно сохранить инкогнито», и давал Мише добрый совет не ехать «с ней» в одном поезде, не жить в одной гостинице – все равно узнают.

Все равно узнавали и писали в газетах о приезде русской царственной особы, скрывшейся под фамилией Брасов. (Спустя 10 лет, в мае 1918-го, увидев ссыльного гражданина Романова с супругой в пермском храме, университетский профессор Георгий Вернадский предположит, что Михаил здесь находится инкогнито.)

Операция, проводившаяся 10 лет назад, имела одну цель: не допустить венчания августейшего лица с «недостойной особой». Операцию можно назвать царской охотой на новый лад по аналогии с тем, как Екатерина Великая отправила своего любимца Григория Орлова в ноезд-

Михаил Александрович и Наталья Сергеевна

ку по следам княжны Таракановой с тайной миссией – найти, выкрасть самозванку и примерно наказать. Самое пикантное, что наша лав-стори начиналась в Гатчине, в том самом имении, которое Екатерина Великая подарила когда-то давно одному из своих фаворитов.

Но вернемся к пермским реалиям и аналогиям. Весной 1918-го, как и в 1908–1912 гг., преследование Михаила Романова велось с участием первых лиц государства: тогда – повелением августейшего брата-императора, сейчас – с ведома председателя СНК тов. Ленина (Ульянова). И тогда за возлюбленными была организована слежка, их сопровождали лучшие агенты охраны. Да что там: сам Столыпин, всесильный министр внутренних дел и премьер-министр, курировал операцию. Телеграммы, письма Михаила и Натальи перлюстрировались охранкой; то же самое происходило и в советской Перми, только делали это чекисты, ну, может быть, с маленькой разницей: в царское время грязное дело творилось неофициально, скрытно, осторожно и умело.

Своих детей, Наташу (Тату) и маленького Георгия-беби, родителям приходилось в обоих случаях перевозить тайком и прятать во избежание возможного шантажа и разлуки.

В операции «Царская охота» можно выделить три основных этапа. Все началось в 1907 г., после знакомства командира эскадрона синих кирасир великого князя Михаила Александровича с женой однополчанина Натальей Сергеевной Вульферт. Произошло это на балу в офицерском собрании в Гатчине, где был расквартирован полк. Можно сказать, их толкнула в объятия друг друга музыка. Они танцевали мазурку, этот динамичный танец молчаливого объяснения, невыразимого обещания, краткого обладания и быстрого сближения. Как часто в русской истории под эту музыку крали невест!..

Все, наверное, могло закончиться по-иному, и роман спустили бы на тормозах, как обычный адюльтер в великосветской среде. Но рождение сына Георгия (июль 1910 г.) показало, насколько серьезно счастливый отец Михаил относится к своему союзу с Наташей. Затем началась своего рода позиционная борьба между влюбленными и царским двором, императором (стало ясно, что действовал Николай в этой сфере во многом по наводке и подсказкам своей супруги). Встречи урывками: три года Михаил ездил осенью в отпуск за границу, и всегда в сопровождении адъютантов и агентов охраны. Ездил инкогнито, вместе со своей любимой женщиной.

И наконец, тайный брак, венчание в православной церкви св. Саввы в Вене (октябрь 1912 г.), т. е. таинство бракосочетания было совершено по всем церковным канонам. Помогли братья-славяне, сербский священник все сделал, как полагается: с оглашением за месяц до события, с помолвкой (!), со свидетелями при венчании (ими были родственники священника), конечно, за приличное денежное вспомоществование со стороны благодарного жениха (тысяча австрийских крон).

Правда, Михаил предстает во всей этой истории не совсем «белым и пушистым». Дело в том, что он давал своему венценосному брату обещание не жениться на Наталье. Выходит, поступил вероломно, обманул Николая? И да, и нет...

В каждой букве – только лики...

Наташа была на полтора года моложе великого князя. На момент встречи оба любовника уже имели опыт встреч и расставаний. Михаил пережил несколько влюбленностей. На одной из своих пассий, фрейлине Дине Косниковской, даже намеревался жениться. Но его первую попытку морганатического брака с неравнородной царедворцы успешно предотвратили (о тех событиях с участием фрейлины и великого князя недавно снят популярный авантюрно-романтический телесериал). Что касается Натальи Сергеевны, то она была замужем уже второй раз, от первого союза, с режиссером Сергеем Мамонтовым, у нее была дочь Наташа, появившаяся на свет в 1903 г.

Так чем же она хороша, эта роковая личность? Чтобы оценить эту женщину, покорившую «лучшего жениха Европы», обратимся к опытному ценителю женской красоты... конечно, французу. Морис Палеолог, посол Франции в России, увидев Наталью Сергеевну впервые, просто обомлел. И записал в дневнике: «Она прелестна. Ее туалет свидетельствует о про-

стом, индивидуальном и утонченном вкусе. Из-под распахнутой шиншилловой шубки видно платье из серебристо-серого шелка, отделанное кружевами. Шапочка светлого меха очень идет к ее пепельным волосам. Выражение лица гордое и чистое, черты прелестны, глаза бархатистые. На шее, при свете зажженной люстры, сверкает ожерелье из чудесного жемчуга».

Но это все привнесенное, все украшательство, а главное – органика, душа: «Малейшее ее движение отдает медленной, волнистой, нежнейшей грацией...»¹

Да плюс к тому ум, образованность, воспитание – она из интеллигентной дворянской семьи адвоката Шереметевского – и еще природная женская хитрость. Трудно было Михаилу Александровичу устоять перед такими чарами и шармом...

БЕЗ ЛИШНЕЙ СУЕТЫ, С НЕПРЕКЛОННОЙ ТВЕРДОСТЬЮ

Именно тогда, в борьбе за избранницу сердца, Михаил, может быть, впервые за 30 прожитых лет, проявил свои лучшие качества. Как сказал о нем его бывший наставник: «Это очень целеустремленный человек, он способен добиваться цели без лишней суеты, но с непреклонной твердостью», так и в любви.

Ставки были очень высоки и со стороны Михаила, и со стороны Натальи. Это видно из их переписки (здесь и далее цит. по книге Р. и Д. Кроуфорд «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь»). Переписка очень обширная, до трех тысяч писем, которые хранятся в Москве (ГАРФ) и Лондоне (Русский архив, Лидс). Мы вовсе не намерены вдаваться в интимные подробности взаимоотношений двух влюбленных. Скажем только, что письма очень, порой просто на удивление, искренни по духу и тону, очень доверительны и откровенны. Это разговор внутренне свободных личностей, достойных друг друга. И они стремятся освободиться от светских условностей, опутавших их, и в то же время зависят от этих условностей. Это удивительно краси-

¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

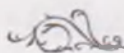
*Михаил Александрович и Наталья Сергеевна (в центре)
в годы войны создавали лазареты*

вая, возвышенная по сути повесть в письмах о глубокой любви, несмотря на все перипетии и сложности.

Иногда кажется, что во взаимоотношениях двух ведущих – она, Наташа, а он – ведомый, уговаривающий, умоляющий, ну готовый подкаблучник! Но читаешь послание за посланием и понимаешь: нет, все не так... пожалуй, они равноправны в своем чувстве. Настоящее чувство уравнивает партнеров.

О начале романа между ними Наталья, к примеру, пишет так: «Думаю, неправы те, кто обвиняет во всем только меня. И ты делал все для того, чтобы влюбить меня в себя, и достиг этого с таким совершенством... Мишечка, люблю тебя и твои ласки, чувствую себя спокойной только в твоих объятиях».

Он: «...я бы от всего отказался, уехал с тобой... Я люблю тебя так страстно, что могу думать только о тебе одной, особенно когда мы врозь».

Она: «То, за что я борюсь, для меня слишком свято и дорого, чтобы я могла равнодушно смотреть, как гибнет наша жизнь и любовь...»

Он: «Ах, Наташа, мой ангел!.. Я тебя одну так страшно сильно и горячо люблю... Я счастлив, что ты такая хорошая и настоящая мать и так любишь своих детей, если бы это было не так, мне было бы очень грустно...»

Самое тяжелое испытание для Натальи началось, когда ей было предложено подать ходатайство о расторжении брака с г-ном Вульфбертом на Высочайшее имя. Надо сказать, ей было запрещено появляться в Орле и в Гатчине (где служил и жил Михаил). Кроме того, ее начали «прессовать» представительницы дворцовой знати. В общем, никакой спокойной жизни! Да если еще упомянуть о том, что нелюбимый муж, г-н Вульферт, повел себя крайне неблагородно, с его стороны понеслись угрозы преследования, расправы различными способами и мерами... Он всячески препятствовал ей в получении отдельного вида на жительство, без чего она не могла выезжать в другие города.

Впрочем, тут можно предположить: любил, значит, поручик свою супругу. При чем тут благородство? Любовь зла... Все бы так, конечно, но... дело кончилось тем, что г-н Вульферт, забыв все представления о чести русского офицера, отступился от жены, дав ей свободу... за 40 тысяч рублей. Сумма очень внушительная по тем временам. (По другим данным, отступные составили еще большую сумму – 200 тысяч рублей!)

Конечно, в сложившихся обстоятельствах влюбленный великий князь пошел бы и на большие жертвы. Будем говорить прямо: «самый богатый жених Европы», как называли его досужие репортеры, скорее всего, денежного выкупа просто не заметил. Для него главным было принципиальное разрешение конфликта.

Нельзя не подумать и о расслоении российского общества. С одной стороны, богатые тоже плачут, а как же иначе? А с другой – у богатых свои причуды, и как тут не вспомнить роскошный красный лимузин, подаренный Наталье Михаилом, «чтобы просто был» (ездить на нем она не собиралась, лимузин оказался Наташе слишком кричащим, вкус у нее был всегда)! Неравенство общества, классовое размежевание на том этапе усиливались. Верхи общества этого до поры до времени – до войны – словно не замечали...

В тот период, на рубеже 1910-х, Михаил был, в сущности, далек от политики. Он был щедрым благотворителем, Наташа даже попеняла

ему однажды, что «помогает всем без разбора и добротой его часто пользуются элементарные прощелыги». С внешней стороны предстательская жизнь царского брата протекала своим чередом. В 1909 г. Михаила Романова избрали председателем комитета по сбору средств на создание Российского воздушного флота, а также председателем Московского общества воздухоплавания. Вскоре он, страстный автогонщик, стал и президентом Императорского Российского автомобильного общества. Его избрали почетным гражданином двух городов – Ельца и Орла. В любимой им Гатчине Михаил, естественно, вошел в попечительские советы сразу нескольких заведений: сиротского института, женской гимназии...

Тревожный звонок прозвучал в том же 1909 г. В ответ на упрямство Михаила (роман его развивался) царь приказал полковнику Романову сдать командование эскадрой в Гатчине и выехать на новое место службы – командиром гусарского Черниговского полка в Орле. В сложившейся щекотливой ситуации страдала уже и репутация Михаила как офицера и командира. Мало того, что он нарушил неписаный кодекс, завел роман с женой своего подчиненного. Кроме того, Михаил и Наталья могли видеться, как говорится, только на «нейтральной стороне». Влюбленная пара решила, что Наталья переедет в Москву, а Михаил будет к ней приезжать. И началась жизнь – от свидания к свиданию. От постоянных отлучек с места службы командира доблестных кирасиров признаки недовольства проявляли уже не только подчиненные Михаила, но и его непосредственные начальники, тем более что до них была доведена государева воля: препятствовать «крайне нежелательным встречам» полковника Романова с госпожой Н.

Ситуация «разруливалась» постепенно, шаг за шагом. Свою роль в этом сыграли не только письма и просьбы Натальи своему возлюбленному, очень эмоциональные, тонко выстроенные. Характер Михаила проявился в любви во всей своей красе и силе. Как только начался 1910 г., Н. С. Вульферт получила долгожданное распоряжение «о нестеснении в отдельном проживании». Между прочим, в прошении Натальи Сергеевны о расторжении брака была употреблена формула «по супружеской неверности мужа». Другое основание для развода в той ситуации невозможно было придумать, его не существовало – уж слишком высокая особа была замешана в дело.

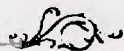

На природе

Много тревог доставил Михаилу с подружкой поручик Вульферт, когда на свет должен был появиться ребенок. Великий князь и в мыслях не мог допустить, чтобы его сын носил фамилию Вульферт, а поручик словно измывался над ними, он отказывался подписывать нужные бумаги, больше того, он грозился отдать малыша в воспитательный дом!.. В общем, отставной муж отвел душу.

По просьбе Михаила к делу подключились высшие должностные лица, переписка с императором завершилась указом о даровании ребенку титула и фамилии графа Георгия Михайловича Брасова. Теперь ничто, казалось бы, не препятствовало браку. Однако государь, естественно, был против этого мезальянса.

И вот тогда-то за великим князем и г-жой Вульферт установилась уже постоянная слежка, в которой участвовали (по приказу государя!) близкие великому князю люди. В интригу было втянуто много людей. Император хотел знать обо всех передвижениях брата и его возлюбленной, чтобы любой ценой помешать «роковому для империи» шагу...

Особенно поражает участие в этой странноватой, если не сказать покрепче, операции министра внутренних дел П. А. Столыпина. Как теперь известно, Петру Аркадьевичу это занятие было очень не по душе, но – августейшее повеление... И вот в ноябре 1910 г., когда Михаил отправился в очередной отпуск, министру императорского двора Фредериксу летит шифрованная телеграмма Столыпина о том, как вести наших «путешественников»:

«18 октября мною был командирован в Берлин чиновник особых поручений IV класса Виссарионов. Выработав с заведывающим заграничной агентурой подробную программу наблюдений, дал по соглашению с Красильниковым лично указания агенту наружного наблюдения Бинту.

Бинт – самый опытный агент, владеет французским, немецким и английским языками. Он снабжен вполне достаточной денежной суммой. Бинт учредит под видом богатого коммерсанта безотлучное, незаметное наблюдение за путешественниками. О всех выдающихся обстоятельствах телеграфировать [в] Петербург [но] условленному адресу. В помощь Бинту командировано два постоянных агента.

Ближайшее распределение функций между Бинтом и его помощниками определится на месте и контролируется по донесениям Бинта Красильниковым, поддерживающим живые сношения с директором департамента. В случае следования на автомобиле и отправления путешественниками багажа отдельно поездом или пароходом, будет учреждено наблюдение за багажом, дабы этим путем не терять из виду сопровождаемых.

В случае получения сведений о намерении вступить в брак, Бинт срочной телеграммой доложит тайному советнику Зуеву. О ходе наблюдений не премину сообщать Вашему Высокопревосходительству».

И в каждом городе каждое передвижение из отеля в отель Михаила и г-жи Н. сопровождается отчетами-шифровками. Полковнику Николаю Врангелю, адъютанту великого князя, руководившему той дорожной «опекой», из российской столицы была все же отправлена шифровка следующего содержания: «Советую возможно менее утруждать великого князя вашим присутствием в обыденной жизни. Главная ваша задача быть вблизи Его Высочества на случай надобности».

Однако вскоре выяснится, что даже опытному агенту Бинту не удастся «прибинтовать» путешественников к определенному месту, где они бы находились всегда «под колпаком». Не выдержали нервы и барона Врангеля.

Это становится ясно из переписки, опубликованной И. Э. Рыженко, сотрудником музея-заповедника «Гатчина»¹. В докладе барону Фредериксу он почти взмолился, написав: «Это непосильное задание! Выполняя приказ „с тяжелым сердцем... обязан всегда знать о месте нахождения великого князя, чтобы все было прилично и не было афиширования"».

«...Несмотря на все принятые меры, никогниго не оставалось нераскрытым, и появились даже заметки о приезде великого князя. Ввиду сего... самый факт совместного путешествия и совместной жизни, заранее известный, сам по себе составляет в глазах всех такое „афиширование“, в сравнении с коим все усугубляющие обстоятельства, которые иногда мне удавалось бы устранить, суть неважные подробности».

Нужно отдать должное барону Врангелю: на роль ментора и одновременно доносчика и соглядатая при 33-летнем командире полка полковник не согласился. (Помните? Короля играет свита!) Порядочным человеком оказался адъютант Николай Врангель. Как тяготило его сознание того, что в глазах государя, вдовствующей императрицы Марии Федоровны и «вообще всех» он выступает сообщником этого «несчастливого романа»! Романа, который он осуждал, вот слова из его письма: «А виноваты лишь те, кто допустил госпожу Вульферт до этого безграничного влияния (выделено в подлиннике. – *Ред.*), которое она имеет на великого князя».

Просьбе полковника Врангеля при дворе вняли и отпустили его во свояси. В сентябре следующего, 1911 г. за границу командировается уже генерал-майор корпуса жандармов А. В. Герасимов! Все с тем же поручением: принять «все меры к недопущению брака» г-жи Вульферт с великим князем Михаилом Александровичем. Генерал снабжается секретным письмом к представителям российских посольств и миссий об оказании содействия, а в случае надобности, и ареста лиц по его указанию. Добавим: все это удовольствие стоило больших денег – на слежку было израсходовано около 20 тысяч рублей...

И все равно ничего не помогло! Михаил и его избранница с помощью опытного адвоката Алексея Матвеева (родственника Наташи) проведут за нос царскую охранку. Михаил скажет своим сопровождающим, что отправится с госпожой к своим детям, которые уже находятся с прислугой

¹ *Уральская Газета*. Вып. 2. Пермь, 2007. С. 34–42.

на Лазурном берегу, и поедут они на машине. А накануне охрана уже получила приказ прекратить следовать за великим князем «на моторе». Тогда вот путешественникам и удастся ускользнуть от слишком заботливой слежки.

В Вене их уже ждали в сербской церкви. Обвенчаются раба Божья Наталья с рабом Божиим Михаилом в православном храме, как заповедали предки и как запрещал им это делать государь...

А дальше – расплата, громы и молнии со стороны разгневанного императора. В ноябре того же 1912 г. вышел указ Николая II Правительственному сенату, по которому Михаил лишался звания «правителя государства», а «над всем его имуществом, личным и земельным, а также фондами» устанавливалась опека.

Наказание поразило своей суровостью многих. Но длилось оно недолго: начавшаяся в августе 1914 г. война все изменила и на многие вещи заставила взглянуть по-другому...

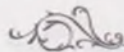
Именно в трудную военную пору произойдет примирение и сближение двух братьев Романовых. Михаил фактически повинился за невольный обман Николая, когда нарушил обещание не жениться на Наталье.

Он объяснился и с братом, и с матерью, найдя простые и точные слова: «Не судите меня строго... Я исполнил то, что должен был сделать всякий честный человек, и в этом моя совесть чиста...»

Николай был мягкий и отходчивый человек. Он простил брата, тем более что примеров подобных морганатических браков в императорской семье к тому времени было уже немало. Один великий князь женился на балерине Кшесинской, другой – на внучке поэта Александра Пушкина. В случае Михаила все оказалось сложнее, в нем видели потенциального наследника русского трона. Но был цесаревич Алексей, чудесный мальчик, правда серьезно больной...

ИЛИ ПОЦЕЛУЕТ, ИЛИ ЗАСТРЕЛИТ. ДУЭТ «НЕЖНОГО БОЛТУНА» И «ВИФЛЕЕМСКОЙ ЗВЕЗДОЧКИ»

...И была Наталья, которую царский двор, и прежде всего императрица, уж никак не видел в роли потенциальной царицы. Документы свидетельствуют, что Александра Федоровна была страшно поражена и даже

уязвлена тем непослушанием, довольно неожиданным, которое проявил младший брат Николая.

Из переписки Михаила и Натальи вырисовываются их характеры, особенности воспитания и потребностей. Известно, когда влюбленные «току-ют», как тетерева, они, сами того не замечая, проговариваются, проявляя свою сущность.

Так, объясняя необходимость оплаты какой-то очередной покупки, Наташа растолковывает своему обожаемому «Мишечке» (из ноябрьского письма 1909 г.): «...если я буду платить по таким крупным счетам из тех денег, что ты мне оставил, то скоро у меня ничего не останется и опять придется говорить тебе, а ты будешь удивляться, куда я трачу деньги».

Из этого следует, что не так-то просто у «молодых» обстояло дело с расходами, и Михаил умел «удивляться», когда надо, не такой уж это мот и транжира.

Судя по всему, не все просьбы и капризы своей подруги «Мишечка» бросался выполнять сломя голову. Читаем в том же письме Наташи: «Ты на меня не сердись, но, правда, очень бывает с тобой трудно говорить о деле, ты всегда молчишь, и прямо иногда не знаешь, говорить тебе или нет. Ведь мне же не прожить без того, чтобы не обращаться к тебе с разными делами и просьбами. И не было случая, чтобы не нужно было тебе напоминать 10 раз, а это очень тяжело...»

Так она «воспитывала» его, пусть и по пустякам (то пианоло, то абонемент). Но по отношению к главному в их отношениях полковник Романов был очень ответственный и серьезен.

По письмам Михаила можно сделать вывод, что больше «горит» он. Но нет: в ответных посланиях и его «Наташечка» достойна своего любовника. Он пишет ей даже не письмо, его послание – это просто какой-то водопад «нежного болтуна»!

«Наташечка, я просто до слез был тронут, когда читал то, что ты пишешь мне относительно твоей души, которая горит от того счастья, что мы оба друг друга так глубоко любим... Как благодарить тебя достаточно за такое большое желание иметь от меня „маленькую девочку с большими голубыми глазами“? Ах ты, ангел мой прелестный, девочка моя ненаглядная, никогда достаточно не могу я благодарить тебя за то счастье, которое ты мне даешь. Не говори никогда, что ты недостойна меня. Это не-